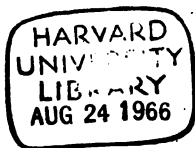

Slav 841.80

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 октября 1892 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Иванъ Ивановичъ Неплюевъ — одинъ изъ младшихъ «птенцовъ Петра Великаго», предназначенный великимъ государемъ къ морской службѣ, но вскорѣ имъ же переведенный на дипломатическое поприще; главною государственною заслугою Неплюева было однако устройство Оренбургскаго края, гдѣ онъ былъ начальникомъ при императрицѣ Елизаветѣ. Неплюевъ дожилъ до царствованія Екатерины II, которая уважала его, какъ одного изъ немногихъ питомцевъ Петровыхъ, лично ей извѣстныхъ. Самъ Неплюевъ благоговѣлъ предъ памятью Петра и оставилъ о немъ въ высшей степени любопытныя воспоминанія въ своихъ запискахъ.

Записки И. И. Неплюева, представляющія правдивый и умный рассказъ о его

многополезной жизни, писаны имъ по большей части уже въ старости. Но очевидно, что въ основу ихъ легли замѣтки, сдѣланныя Неплюевымъ подѣ непосредственнымъ впечатлѣніемъ описываемыхъ событій; такъ напримѣръ, все его пребываніе за границей и непродолжительная служба во флотѣ изложены имъ въ формѣ почти поденнаго журнала, который и былъ веденъ имъ въ свое время; напротивъ того, дипломатическая служба Неплюева рассказана съ краткостью, заставляющею предполагать, что эта часть автобіографіи обработана имъ лишь по истеченіи многихъ лѣтъ послѣ описываемыхъ событій. Слѣды такой позднѣйшей обработки прямо указываются нѣкоторыми выраженіями; такъ напримѣръ, рассказавъ подѣ 1730 годомъ о рожденіи своей дочери Анны и подѣ 1731 г. о рожденіи сына Николая, Иванъ Ивановичъ прибавляетъ, что дочь его находится замужемъ за президентомъ коммерцъ-коллегіи Лунинымъ, а сынъ состоитъ сержантомъ въ кадетскомъ корпусѣ, и

затѣмъ поясняетъ, что эти указанія внесены въ записки въ 1750 году.

Неплюевъ довелъ записки свои до послѣдняго года жизни и заключилъ ихъ трогательнымъ прощальнымъ предъ смертію письмомъ къ сыну. Затѣмъ кто-то изъ лицъ, близкихъ къ Ивану Ивановичу и присутствовавшихъ при его послѣднихъ дняхъ, присовокупилъ къ его автобіографіи извѣстіе объ его кончинѣ. Можетъ быть, авторъ этой приписки былъ извѣстный И. И. Голиковъ, жившій при Неплюевѣ въ послѣдніе годы его жизни. Въ XVII томѣ своихъ «Дополненій къ Дѣяніямъ Петра Великаго» Голиковъ же привелъ и нѣсколько рассказовъ о Петрѣ, слышанныхъ имъ отъ Неплюева, сообщилъ извлеченіе изъ его автобіографіи, и наконецъ, помѣстилъ нѣсколько собственныхъ воспоминаній о почтенномъ старикѣ ¹⁾. Эти

¹⁾ Доп. къ Дѣян. П. В., XVII, стр. 74—79, 204—208, 293—294, 311—312, 352—353, 375—382, 397—399 и 416—450.

воспоминанія перепечатаны въ приложеніи къ автобіографіи Неплюева.

Послѣ извлеченія Голикова, выпедшаго въ свѣтъ въ 1796 году, болѣе полное изданіе записокъ Неплюева появилось въ «Отечественныхъ Запискахъ» П. П. Свинина¹⁾. Но и въ этомъ изданіи текстъ записокъ подвергся сокращеніямъ частію со стороны цензуры, частію по волѣ самого издателя. Полный текстъ записокъ появился въ печати только въ 1871 году въ «Русскомъ Архивѣ» по рукописи, принадлежащей Императорской Академіи Наукъ, куда она поступила изъ Академіи Россійской. Рукопись эта составляетъ переплетенную тетрадь, форматомъ въ листъ; она писана почеркомъ конца прошлаго вѣка, одною

¹⁾ 1823 г., ч. XVI, № 43, стр. 169—197 и № 44 стр. 436—446; 1824 г., ч. XIX, № 51, стр. 101—108 и № 52, стр. 226—250; ч. XX, № 54, стр. 105—126; 1825 г., ч. XXI, № 59, стр. 428—443; ч. XXII, № 64, стр. 189—203 и № 65, стр. 347—365; ч. XXIV, № 67, стр. 263—293; 1826 г. ч. XXV, № 71, стр. 468—496.

рукою, со множеством ореографическихъ ошибокъ. Другимъ почеркомъ и другими чернилами сдѣланы въ ней, какъ бы вслѣдствіе сличенія съ оригиналомъ, поправки, которыя однако не устраняють всѣхъ недоразумѣній, причиненныхъ невѣжествомъ перваго писца. Этою же позднѣйшею рукою надписано и заглавіе автобіографіи; оно было принято Свинынымъ и удержано въ изданіи 1871 года, хотя и не принадлежитъ самому Неплюеву.

Изданіе записокъ Неплюева въ «Русскомъ Архивѣ» было приготовлено Л. Н. Майковымъ. Онъ счелъ нужнымъ исправить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очевидныя ошибки писца и вообще установить въ текстѣ правописаніе, при чемъ однако удержалъ важнѣйшія фонетическія особенности рукописнаго текста. Кромѣ того, къ академическому тексту записокъ онъ подвелъ разнорѣчія изъ Голикова, который, повидимому, пользовался спискомъ автобіографіи Неплюева, не вполне сходнымъ съ академическою рукописью.

Настоящее изданіе точнымъ образомъ воспроизводитъ текстъ записокъ, приготовленный Л. Н. Майковымъ, а сдѣланныя имъ примѣчанія повторяетъ съ немногими измѣненіями.

Въ заключеніе нелишнимъ будетъ прибавить, что дѣятельность И. И. Неплюева послужила предметомъ обширной и любопытной монографіи В. Н. Витевскаго. Три выпуска ея вышли въ свѣтъ въ Казани съ 1889 по 1891 годъ подъ заглавіемъ: «И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1759 года».

ЖИЗНЬ

ИВАНА ИВАНОВИЧА НЕПЛЮЕВА

(имъ самимъ писанная).

Родился я, Иванъ Неплюевъ, въ 1693-мъ году, ноября 5-го числа, въ воскресенье по утру, по полуночи въ 7 часовъ, въ Новгородскомъ уѣздѣ, въ усадищѣ Наволокѣ.

По неудачномъ подѣ Нарву приступѣ, отецъ мой, Иванъ Никитичъ, былъ при ономъ случаѣ на службѣ и, возвратясь въ домъ, занемогъ, отъ которой болѣзни въ 1709-мъ іюля 10-го умеръ, въ среду поутру на 38-мъ году отъ рожденія своего, оставя по себѣ одного меня, сына 16-ти лѣтъ, и недвижимаго имѣнія 80 душъ.

Женился я по волѣ матери моея 1711-го года сентября 9-го дня, въ воскресенье, на племянницѣ родной новгородскаго намѣстника Ивана Юрьевича Татищева, дѣвицѣ

Оедосьѣ Оедоровнѣ Татищевой, получа за нею въ приданое съ небольшимъ 20 душъ.

Въ 1712-мъ году, августа мѣсяца 19-го дня во вторникъ, родился мнѣ сынъ, Адрианъ, въ томъ же Новгородскомъ уѣздѣ, въ селѣ Поддубьѣ¹⁾).

Въ 1713-мъ, ноября мѣсяца, оставивъ жену мою беременну, отшелъ я по обща-
нію въ монастырь.

Въ 1714-мъ году, іюля 14-го дня, въ четвертокъ, родилась въ мое отсутствіе дочь Марья²⁾).

1715-го, марта въ первыхъ числахъ, возвратился я въ домъ свой и въ томъ же мартѣ мѣсяцѣ взять на службу и, бывъ на смотрѣ марта въ 24 день у князя Меншикова, написанъ въ число назначен-

¹⁾ Который отъ рожденія своего на 38-мъ году, будучи статскимъ совѣтникомъ и резидентомъ въ Константинополѣ, въ 1750 году ноября 8-го дня скончался. *Примѣчаніе Неплюева.*

²⁾ Которая, бывъ въ замужествѣ за вице-адмираломъ Римскимъ-Корсаковымъ, оставшись послѣ его вдовою, въ 1769-мъ году скончалась. *Примѣчаніе Неплюева.*

ныхъ обучаться въ Новгородѣ начальныхъ основаній математики ¹⁾).

Того же года, іюня въ 29-й день, посланнымъ въ Новгородъ указомъ повелѣно: выбравъ 84 человека изъ тѣхъ начавшихъ обучаться, отправить въ Нарвскую школу, въ которой учителемъ былъ навигаторъ Митрофанъ Михайловъ, сынъ Кашинцовъ, а директорами надъ оной были оберъ-комендантъ Кирилла Алексѣевичъ Нарышкинъ, комендантъ Василій Григорьевичъ Титовъ.

Въ томъ же 1715-мъ году, мая 4-го дня во вторникъ, умерла въ отсутствіе мое мать моя Марѳа Петровна, по отцѣ изъ фамиліи князей Мышецкихъ, отъ рожденія своего 43-хъ лѣтъ.

¹⁾ Въ той же партіи дворянскихъ дѣтей, посланныхъ для обученія, находился и Семенъ Ивановичъ Мордвиновъ, впоследствии адмиралъ (1701—1777 гг.); послѣ него также остались записки, изданныя въ 1868 году въ С.-Петербургѣ; показанія ихъ за время съ марта 1715 года по начало 1717 служатъ къ повѣркѣ извѣстій, сообщаемыхъ Цеплюевымъ.

Того же года, октября 1-го дня, по присланному указу перевели насъ всѣхъ въ школу въ Санктпетербургъ, которой школы былъ содержателемъ французъ Баро; она была подъ вѣдѣніемъ адмирала Федора Матвѣевича Апраксина и генераль-маіора и оберстеръ-кригскомиссара Григорья Петровича Чернышева; потомъ она поручена была Андрею Артамоновичу Матвѣеву. Въ той школѣ было насъ обучающихся 300 человекъ¹⁾).

1716-го, по указу царскаго величества, велѣно выбрать изъ той школы 20 чело-

¹⁾ По сличеніи этихъ данныхъ съ извѣстіями о начальномъ образованіи морской академіи (нынѣшняго морского корпуса), обнаруживается несомнѣнно, что Неплюевъ говоритъ здѣсь не о частной школѣ француза *Баро*, а именно объ академіи морской гвардіи, основанной по указу 1-го октября 1715 г., при чемъ директоромъ ея былъ назначенъ французъ *баронъ* Сентъ-Илеръ, подававшій о томъ проектъ еще въ 1713 г. (см. Очеркъ исторіи морского кадетскаго корпуса, сост. *Θ. Весселя*. С.-пб. 1852, стр. 37 и слѣд.). Мордвиновъ въ

вѣкъ¹⁾ и отослать въ Ревель ко флоту, въ числѣ коихъ былъ и я, Неплюевъ. На дорогу каждому изъ насъ дано по 30 рублей. А жена моя осталась беременною и 1-го числа родила сына Ивана.

По прибытіи нашемъ въ Ревель, марта 31-го дня, опредѣлены мы адмираломъ во флотъ гардемаринами, при чемъ выданы намъ изъ казны парусинные бостроки, а жалованья опредѣлено на мѣсяць по 2 рубля по 40 копѣекъ; порція жъ произво-

своихъ запискахъ (стр. 9—10) именно говоритъ: «Въ октябрѣ того жъ 1715 года именнымъ указомъ взяты всѣ (ученики) въ С.-Петербургъ, какъ изъ Нарвы, такъ и изъ Ревеля таковыя жъ, бывшіе тамъ, и опредѣлены въ академію съ прибавленіемъ нѣсколько изъ Москвы, съ Сухаревой башни. *И съ тою времени въ С.-Петербурѣ началась академія*». Ср. также извѣстія о состояніи морской академіи въ первые годы ея существованія, см. у Соловьева «Исторія Россіи», т. XVI, стр. 308 и слѣд.

¹⁾ У Голикова: «Изъ насъ тридцать человѣкъ, да изъ Нарвской школы двадцать-четыре человека». У Мордвинова также показано 30 человѣкъ (Записки, стр. 10).

дilasь намъ: сухарей по 2 пуда по 10-ти фунтовъ каждому, гороху по 15 фунтовъ, крупъ по 15 фунтовъ, соли 2 фунта съ четвертью, муки ржаной на квасъ одинъ четверикъ, вина 25 чарокъ, уксусу полторы кружки, рыбы вялой по 6 фунтовъ, ветчины по 19 фунтовъ.

Апрѣля перваго дня опредѣленъ я на корабль *Архатела Михаила*, на коемъ капитанъ былъ англичанинъ Рю, а со мною на томъ же кораблѣ были гардемарины: Василій Квашнинъ-Самаринъ, Василій Татищевъ ¹⁾, Семень Дубровскій, Степанъ Ковницынъ, Семень Мордвиновъ, Еюимъ

¹⁾ Этого Василя Татищева не должно смѣшивать съ извѣстнымъ администраторомъ и писателемъ прошлаго вѣка Василиемъ Никитичемъ Татищевымъ, который никогда не состоялъ въ морской службѣ, тогда какъ Василій Татищевъ, упоминаемый Неплюевымъ, находился въ ней по 1741 г. (Общій морской списокъ, ч. I, стр. 367). Извѣстно также о существованіи его записокъ, относящихся ко времени Анны Иоанновны (Русскій Музеумъ II. Свинына, стр. 126).

Цимермановъ, Петръ Кашкинъ, Иванъ Алексѣевъ, Петръ Пороховъ и Алексѣй Арбузовъ. Тотъ корабль *Архангела Михаила* былъ о 52-хъ пушкахъ, въ водѣ ходу 16¹/₂ футъ; матросовъ на немъ было 300, солдатъ 200 человекъ.

Апрѣля 17-го дня выплыли мы изъ гавани.

Въ маѣ 19-го числа¹⁾ выступили въ походъ подъ командою капитана-командора Сиверса къ Копенгагену.

29-го числа того жъ мѣсяца отъ острова Борнгольма принуждены были повернуться, потому что шведскій флотъ лежалъ у острова Ругена.

Юня 30-го дня присланъ отъ его царскаго величества капитанъ Румянцовъ съ указомъ, дабы флоту неотмѣнно плыть въ Копенгагенъ, почему оный отъ Ревеля опять въ путь отбылъ, а въ сей эскадрѣ находились корабли слѣдующіе: *Интермоландія*, *Екатерина*, *Полтава*, *Михаилъ*,

¹⁾ У Мордвинова (стр. 10): апрѣля 23-го.

Гавріилъ, Рафаилъ, Фортуна, Арендель, Илія, Иланедофъ.

Іюля 18-го дня остановились мы въ виду Копенгагена и бросили якорь, и того жъ числа соизволилъ прїѣхать его царское величество къ намъ на флотъ и былъ нѣкоторое время у командора на кораблѣ *Екатерины*.

19-го числа прїѣзжалъ къ намъ вторично ѿ, сѣвъ на корабль *Ингермоландію*, поплылъ весь флотъ ближе къ Копенгагену, и стали на якорѣ противъ онаго, а тамъ уже находилось 12 новыхъ нашихъ кораблей, пришедшихъ отъ города Архангельскаго, гдѣ оныя прибытія нашей эскадры ожидали¹⁾. Въ то жъ время тутъ же на рейдѣ были 6 голандскихъ военныхъ кораблей при ихъ командирѣ и 15 англійскихъ при ихъ адмиралѣ, и множество купеческихъ.

Августа 5-го дня его царское величество повелѣлъ на кораблѣ своемъ поднятъ

¹⁾ *Гдѣ* относится къ «тамъ же», т. е. суда ожидали въ Копенгагенѣ.

императорскій штандартъ, при чемъ съ того жъ корабля выпалено изъ 27 пушекъ; равные жъ сему выстрѣлы и со всѣхъ нашихъ кораблей производились, чему послѣдовали какъ датскіе, такъ англійскіе и голанскіе военные корабли. И всѣ наши, какъ и иностранныхъ націй, военные и купеческіе корабли выступили отъ Копенгагена въ походъ, подъ командою его царскаго величества. Доплывъ до Борнгольма, бросили якоря, откуда голанскіе военные и торговые корабли отпущены въ Ревель.

Того жъ августа 14-го дня повелѣлъ его царское величество снять императорскій штандартъ и, выпаливъ притомъ изъ одной пушки, возвратился на корабль *Ингермоландія* въ Копенгагенъ, а въ конвоѣ за нимъ отправились корабли *Фортуна* и *Арендель*; прочіе жъ наши корабли перешли подъ шведскій берегъ и стояли при ономъ до 2-го числа сентября, котораго прислано повелѣніе всѣмъ нашимъ кораблямъ приближаться къ Копенгагену.

28-го числа того жъ мѣсяца его царское величество, будучи на кораблѣ *Ингермоландіи*, изволилъ смотрѣть всѣхъ насъ, гардемариновъ, и выбрать для посылки въ Венецію (въ числѣ коихъ находился и я, Неплюевъ) 30 человекъ для обученія мореплаванію на галерахъ, да во Францію для обученія мореплаванію на корабляхъ 20 человекъ, туда жъ для обученія архитектуры 4 человека.

29-го числа перевезли всѣхъ насъ, выбранныхъ съ кораблей, въ Копенгагенъ, гдѣ его величество повелѣлъ послу своему, князю Василию Лукичу Долгорукому, выдать намъ на дорогу по 6-ти ефимковъ сверхъ прежняго жалованья и отправить въ Амстердамъ, а самъ изволилъ отбыть, и съ ея величествомъ государынею царицею, въ Голандію.

Августа ¹⁾ въ послѣднихъ числахъ от-

¹⁾ Въ рукописи: «октября». Исправлено согласно показанію подъ 5-го августа 1716 года. Отсюда жъ видно, что выраженіе «въ послѣднихъ числахъ» не совсѣмъ вѣрно.

пешіе отъ нашего флота голандскіе корабли возвратились обратно изъ Ревеля, почему мы 2-го числа октября отправлены флота того къ командору, именуемому Граве, который находился на военномъ кораблѣ *Бутлеръ*, а тотъ былъ о 64-хъ пушкахъ. Командоръ приказалъ насъ раздѣлить по всѣмъ своимъ кораблямъ; я достался на корабль 52-хъ пушечный *Браколъ*; капитанъ на томъ кораблѣ назывался Флоз-некъ, а всѣхъ людей было 270-тъ человекъ, и съ офицерами.

14-го числа отплыли мы въ море 20 миль, а потомъ, за противнымъ вѣтромъ, стали на якорѣ, близъ датскаго берега и противъ шведскаго города Готенбурга, гдѣ, простоявъ трои сутки, принуждены были назадъ повернуться къ Гельзенгеру (а между тѣмъ шведскій каперъ взялъ въ полонъ 3 купеческія голандскія судна), гдѣ мы, простоявъ до 26-го числа и не надѣясь получить способнаго вѣтра, послали отъ нашей компаніи Петра Салтыкова ¹⁾

¹⁾ Петръ Семеновичъ, впоследствии фельдмар-

въ Копенгагенъ просить отъ посла дозволенія ѣхать въ Голландію сухимъ путемъ, что намъ было дозволено, съ тѣмъ, чтобъ ѣхали, буде желаемъ, на своемъ коштѣ. Будучи на голандскихъ корабляхъ, платили мы за пищу каждый на недѣлю по полтора ефимка, а за порцію выдано намъ было деньгами.

27-го числа перебрались мы съ кораблей на берегъ и, получивъ пашпортъ, выѣхали изъ Копенгагена на почтѣ. На канунъ жъ нашего отъѣзда бѣжалъ отъ насъ одинъ изъ нашихъ товарищей, Кастюринъ, въ датскую службу, въ солдаты. На каждой почтовой фурѣ сидѣло насъ по 4 чело-
вѣка и, уговорясь съ датскимъ почтмейстеромъ, заплатили ему до Гамбурга по 15-ти рейхстареловъ съ cadaго, съ тѣмъ, чтобъ какъ довести до онаго города, такъ и въ пути кормить въ сутки по одной, а за постои и ни за какіе дру-

шалъ и побѣдитель Фридриха Великаго при Кунерсдорфѣ (род. 1700 г., ум. 1772 г.).

гѣ расходы болѣе ничего не требовать. Путь нашъ былъ черезъ Голтшинію.

Въ Гамбургъ прибыли мы 11-го числа того жъ мѣсяца. Въ Гамбургѣ за квартиры платили мы на сутки каждый по двѣ гривны и, нанявъ тутъ подводы до Амстердама, съ каждаго человѣка по 12 ефимковъ, кромѣ пищи, выѣхали 15-го числа.

Въ Амстердамъ прибыли мы декабря 27-го числа и немедленно явились у его парскаго величества.

1717 года генваря съ 1-го числа соизволилъ онъ опредѣлить намъ на каждаго человѣка кормовыхъ денегъ по червонному на недѣлю, которыхъ денегъ намъ на пищу и довольно было, а за квартиру платили мы каждый на недѣлю по 20 алтынъ. При его величествѣ тогда въ Амстердамѣ были министры: Гаврила Ивановичъ Голловкинъ, Петръ Андреевичъ Толстой, Петръ Павловичъ Шафировъ, посолъ князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ, генералъ-лейтенантъ и кавалеръ князь Василій Володиміровичъ

Долгорукій, генераль-лейтенантъ же Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, его царскаго величества кабинетъ-секретарь Алексѣй Макаровъ, да Московскаго денежнаго двора комисарь Тимоѣей Тимоѣевъ сынъ Левкинъ, а по простому прозванію Топоръ, а быть онъ для продажи государевыхъ припасовъ.

Февраля 8-го числа послано насъ въ Венецію 27 человекъ, и двухъ изволилъ оставить въ Амстердамѣ, а третій, Иванъ Воробьевъ, въ Амстердамѣ умеръ. На дорогу дано намъ по 25 червонныхъ каждому; съ нами посланъ указъ къ агенту въ Венецію, за рукою Шафирова, и паспортъ, за рукою агента Фандебурга.

Въ Венецію прибыли мы 23-го числа, издержавъ въ пути каждый на всѣ расходы и на пищу по 24 червонныхъ,—гдѣ явились у господина агента Петра Ивановича Беклемишева ¹⁾. А въ то же время

¹⁾ Агентъ Беклемишевъ изъ дворянъ, извѣстенъ переводомъ сочиненія Анастасія Наузензія: «Театронъ или зеркало монарховъ», напечатаннымъ въ 1710 г. въ Амстердамѣ.

въ Венеціи находился его царскаго величества тайный совѣтникъ Савва Владиславовичъ Рагузинскій ¹⁾).

Мая 10 дня Венеціанская республика, по старанію его, агента, опредѣлила насъ въ свою службу, и данъ былъ указъ въ опредѣленіи во флотъ генераль-капитану, съ коимъ насъ къ оному и отправили ²⁾). На пищу въ пути далъ намъ агентъ 20 цехиновъ.

¹⁾ По случаю посылки навигаторовъ, Петръ писалъ къ нему слѣдующее: «Понеже рѣчь посполитая Венецкая обѣщала принять въ свою морскую службу нашихъ молодыхъ дворянъ, для того посылаемъ нынѣ въ Венецію 27 человекъ, которымъ исходатайствуйте заранѣе указъ, чтобы ихъ употребили въ свою службу на галерахъ, а не на корабляхъ, и чтобы они раздѣлены были, какъ для ученія языка, такъ и для лучшей практики навигации, по разнымъ судамъ, а именно на каждое судно по одному человеку, и чтобы ихъ сперва производили отъ нижнаго чину».

²⁾ У Голикова: «въ венеціанскую галерную службу, и посланы были отъ республики съ указомъ на галеръ, къ генераль-капитану Пизани, во флотъ, находившійся въ Корфу».

Мая 30 числа прибыли мы въ Корфу ¹⁾, и тутъ на имя агента заняли у грека Арсенія Квартана 80 цехиновъ.

Юня 1-го дня подали мы отъ республики Венеціанской указъ генераль-капитану, который, по прочтеніи онаго, объявилъ намъ, что онъ прикажетъ принять насъ на галеры по два человѣка, и чтобъ мы дали ему извѣстіе, кто съ кѣмъ на галерѣ быть желаетъ; почему я и опредѣленъ на галеру, именуемую *Жентела*, съ Васильемъ Татищевымъ, а изъ нашей компаніи три человѣка: Шипиловъ, Аничковъ и Абрютинъ, остались на галерахъ. Въ *Жентель* пушекъ было 21, весель 50; конданадовъ ²⁾, скованныхъ для гребли, было 200, матросовъ 15 человѣкъ; на ней же одинъ писарь, который былъ вмѣсто комисара, лѣкаръ одинъ, унтеръ-офицеровъ морскихъ 2, комить 1, паронъ 1, песта 1, подкомить, парондинъ 1, капо-да-

¹⁾ Тамъ же: «а тогда между республикою и Портою была война».

²⁾ Condannado, *осужденный колодникъ*.

по-школя 1, который имѣлъ команду надъ конданадами, солдатъ италіянцевъ 64 человекъ, при нихъ капитанъ 1, подпоручикъ 1, прапорщикъ 1, славянъ 18 человекъ, при нихъ два прапорщика. Флотъ состоялъ изъ 19 галеръ венеціанскихъ, 9 галіотовъ, 6 фустъ, 4 бригантинъ; папезскихъ галеръ было 4, малтійскихъ 5, флорентинскихъ 2 галеры; малтійскій генераль шель съ своими по правую сторону генераль-капитана, а венеціанскія галеры по лѣвую. Сверхъ того, при нашемъ флотѣ было португальскихъ 7 кораблей, малтійскихъ 2, венеціанскій 1. О вояжѣ нашемъ, бывшемъ въ семь походѣ, описано мною пространнѣе въ особомъ журналѣ.

1718-го генваря 10 князь Михайла князь Андреевъ сынъ Прозоровской бѣжалъ отъ насъ съ іеромонахомъ Филиппомъ, монастыря святаго Павла, бывшимъ въ Корфу для собиранія милостыни, въ Аеонскую гору. Черезъ нѣкоторое время выпедшій изъ турецкаго плѣна росіянинъ Яковъ Ивановъ и бывшій въ той Аеонской горѣ

отдалъ намъ отъ него, Прозоровскаго, письмо слѣдующаго содержанія:

«Мои государи, предражайшія братія и други! Понуждающая мя ревность моя до васъ и не оставляетъ усердія сердца моего любви вашей и пріятности, сущія являемыя многія въ прешедшую довольную бытность мою завсегда съ вами конечно удостойте забвенію сие, нынѣ Господу моему тако Своими праведными судьбами изволившу устроить о моемъ недостойствѣ; обаче отъ горячести любви моя къ вамъ понудихся при отшествіи моемъ отъ васъ и отлученіи сопребыванія васъ, моихъ предражайшихъ друзей, сію малую хартію начертати, не яко да оскорбитесь о мнѣ, но любовь да познаете, юже имѣхъ къ вамъ; васъ же молю любезно и прошу Самимъ Господомъ моимъ, да устроить тако и исполнити всѣ яко же при семъ конечная и послѣдняя моя всепокорная просьба до васъ явилась. Егда Господу содѣйствующу и по воли Его Божеской благоволите получить нѣколикое число де-

негѣ ко мнѣ отъ отца моего, пожалуйста сотворите знаменіе совершенныя любви вашея со мною и не токмо ради моего сея до васъ просьбы, но за любовь Бога, всѣхъ заповѣдавшего другъ друга преискреннѣе любить и обѣщавшаго Самому между оныхъ пребывать и любви Его совершенной быти въ насъ; аще ту заповѣдь Его и заочно соблюдаемъ ко другу, вѣмъ, яко угодное Ему въ томъ будемъ творити, за что оное мое слово повторяю и прошу: не точію меня ради самага, но и требующа сотворити милость въ томъ святому монастырю преподобнаго отца Павла Аеонскаго, котораго молитвами да даруетъ вамъ Господь всемилостивый во всемъ богатую Свою милость. А наипаче всѣхъ тебя прошу о томъ, мой государь и прелюбезный другъ Семень Леонтьевичъ, изволь по своей ко мнѣ являемой прежнія любви и суція пріятности оныя мои деньги препроводити, улуча нѣкій благопріятный случай съ приключаящимися нѣкоторыми корабельники, хотящими путь свой имѣть до нашихъ Святыя

*

Аеонскія горы, а наибольше согласясь о той посылкѣ съ Яковомъ, который вамъ сіе письмо мое вручить; а онъ, надѣюсь въ томъ вашей милости учинить помощь совершенную во ономъ. О деньгахъ такъ же прошу все по росписи моей, которую я дамъ ему за деньги его; по той упомянутой все пожалуйста ради самаго Бога, не издержавъ ничего отъ того, соизволите отдать, въ чемъ на вашу милость и пріятность остаюсь во благой надеждѣ. О мнѣ жъ всепокорно молю, да не возымѣете яковую скорбь, или сомнѣніе о мнѣ, понеже бо отлучихся отъ всѣхъ васъ безъ всякаго вашего о томъ совѣта, хотящему всѣмъ чelовѣкамъ спастися сицевымъ образомъ, и о мнѣ содѣявшу, да не вѣще вамъ скорбь на скорбь очевиднымъ разлученіемъ съ вами и нѣкоторымъ сѣтованіемъ, но сугубо прошу и усердіемъ моего сердца молю купно всѣхъ моихъ предражайшихъ друзей и прелюбезныхъ клеветъ. А еще кого въ чемъ оскорбилъ или прогнѣвалъ кого изъ васъ буйствомъ моимъ и невѣжествомъ во

время моего пребыванія съ вами, да оставите весь оный долгъ мой за послушаніе и за исполненіе глаголющаго: «остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ». При всѣхъ сихъ препоручая васъ Богу, въ Троицѣ единому, изливающему благодать Свою изобильно на вся челоѣки, Который есть всевидящее око, а еще провидя коегождо челоѣка ревность и желаніе ко благу отъ младенства суще, устрояетъ по судьбамъ Своимъ праведнымъ оное ко исполненію и совершенію во время Своея къ тому содѣйствительныя божественныя воли содѣвати, якоже и нынѣ и на мнѣ сотворивъ, не отринувъ прошенія моего и всегдашняго сердца моего желанія, не лишивъ мя, на Него же и во всемъ и во вѣки уповаю и благодарю Его симъ о мнѣ неизрѣченную отеческую благодать; желаю вамъ всѣмъ, при окончаніи моего писанія сего, отъ Господа во многія лѣта во благосостоятельномъ здравіи пребывать, и дабы Царь царствующихъ и Господь господствующихъ сподо-

билъ васъ коегождо во изрядномъ веселіи присныхъ своихъ родителей, по возвращеніи вашемъ въ отечество, лицомъ къ лицу видѣти и въ радостномъ пребываніи всегда быть, при которомъ моемъ до васъ желаніи сущемъ остаюся препокорнымъ къ вамъ, моимъ милостивымъ пріятелямъ и предлюбезнымъ друзьямъ, слугою князь Михайло Прозоровской, а Богу соозволившу во иноцѣхъ недостойный Сергій, должное мое поклоненіе купно всѣмъ вамъ пресмирненно отдаю».

О всемъ вышеписанномъ донесли мы господину агенту Беклемишеву.

17-го числа увидѣли мы изъ печатныхъ авизій ¹⁾, что государь царевичъ Алексѣй Петровичъ поѣхалъ изъ Неаполя въ Петербургъ.

23-го февраля фельдмаршалъ на галерѣ *Дунай* поѣхалъ отъ Корфу въ Превезу.

Марта 4 числа, на первомъ часу дня, нашли мы на улицѣ російскаго гардема-

¹⁾ Avviso—извѣстіе.

рина Василья Федоровича Квашнина-Самарина заколота шпагою, а кто его заколеть, того хотя никто и не видѣлъ, но явились многія прилики на нашемъ же гардемаринѣ Алексѣѣ Аванасьевѣ сынѣ Арбузовѣ. И по тѣмъ приликамъ я, Иванъ Неплюевъ, со всѣми своими товарищами его, Арбузова, отдали подѣ караулъ и донесли о семъ генералъ-капитану; почему онъ приказалъ Арбузова отвезть на галеру и, склавъ въ желѣзо, держать подѣ карауломъ, а нашъ словесный извѣтъ записать въ канцеляріи. Тѣло убитаго Самарина погребли мы въ тотъ же день при церкви святаго Спиридона; а потомъ Арбузовъ былъ допрашиванъ и осматриванъ; а что въ допросахъ онъ и другіе показали, и въ коей силѣ, мы о семъ писали къ господину агенту, то значить ниже сего.

Копія съ письма нашего къ господину агенту Беклемишеву.

«Милостивый къ намъ государь Петръ Ивановичъ! Доносимъ вашему благородію:

сего марта 4-го числа, на первомъ часу дни, пришлоу на квартиру къ Ивану Алексѣвичу солдатскій капраль и сказалъ, что вапъ-де одинъ русскій дворянинъ лежитъ заколотъ на улицѣ, а кто его заколотъ, того я не вѣдаю». И по онымъ словамъ Иванъ Алексѣевъ съ товарищи своими Петромъ Пороховымъ и Алексѣемъ Бѣлосельскимъ пошли на оное мѣсто, и пришедъ, увидѣли, что лежитъ заколотъ нашъ гардемаринъ Василій Ѳедоровъ сынъ Квашнинъ-Самаринъ, а снято у него только парукъ, пшага, шляпа, запонки и пряжка отъ бапмаковъ, — о чемъ они объявили по другимъ нашимъ квартирамъ. И Иванъ Алексѣевъ въ другой разъ пришелъ съ Иваномъ Неплюевымъ къ тѣлу Василія Самарина; тутъ же былъ и Алексѣй Арбузовъ и нѣкоторые офицеры и солдаты, и тогда Иванъ Неплюевъ разодралъ на мертвомъ рубашку и, поднявъ его за голову для осмотра раны, увидѣлъ рану въ правомъ боку близъ грудей, и въ той ранѣ его нашли

шпажной конецъ клинка. Потомъ собрались и другіе наши товарищи, и Алексѣй Арбузовъ говорилъ всѣмъ, что «вечеръ-де онъ, Василій Самаринъ, былъ со мною въ редутѣ ¹⁾, и вышли-де мы изъ редута вмѣстѣ въ 3 часу ночи, и на дорогѣ съ нимъ разлучась, пошли на свои квартиры, а кто его, Василья, закололъ, про то онъ, Алексѣй, не вѣдаетъ». И потомъ съ того мѣста тѣло мертвое перенесли на квартиру его, Васильеву, и доложили въ канцелярію; а изъ канцеляріи присланъ былъ подъячій для осмотра мертвого тѣла, и тогда осмотрѣли на немъ 7 ранъ шпажныхъ. И потомъ поговорили мы межъ собою всѣ, чтобъ намъ собраться въ одинъ домъ и показать другъ другу свои шпаги, для всякаго себѣ оправданія, что у всѣхъ ли цѣлы клинки шпажные. И тогда Иванъ Павловъ, сынъ Зиновьевъ, сказалъ: «Вечеръ-де, въ 3-мъ часу ночи, пришелъ на квартиру Алексѣй Арбузовъ и легъ съ

¹⁾ Ridotto—шорный домъ.

нами спать» (понеже онъ, Иванъ, и братъ его Петръ Зиновьевы стояли тогда съ нимъ, Алексѣемъ, на одной квартирѣ). Онъ же, Иванъ Зиновьевъ, сказалъ: «А сего-де утра Алексѣй Арбузовъ всталъ очень рано и замывалъ свой кафтанъ и полотенцомъ отиралъ руки и кафтанъ, и онъ, Иванъ, его, Алексѣя, спросилъ: «Чего ради ты, Алексѣй, замываешь свой кафтанъ?» И онъ, Алексѣй, сказалъ: «Вечоръ-де я былъ пьянъ и облилъ свой кафтанъ краснымъ виномъ». И потомъ мы, Василий Татищевъ, Степанъ Коновницынъ, Еѣимъ Цымермановъ, Семенъ Дубровскій, Иванъ Алексѣевъ, Петръ Пороховъ, Алексѣй Бѣлосельскій, Тимоѣей Щербатой, Иванъ Кайсаровъ, Иванъ Кукаринъ, Артемій Толбухинъ, Яковъ Рославлевъ, Иванъ Зиновьевъ, Петръ Зиновьевъ и Алексѣй Арбузовъ, пошли на квартиру Ивана Алексѣева и показывали другъ другу свои шпаги. И какъ Алексѣй Арбузовъ вынулъ свою шпагу, тогда увидѣли всѣ, что у его шпаги клинка конецъ отломленъ и прита-

чиванъ вновь, и тогда тотъ конецъ, который вынули изъ раны у Самарина, примѣрили къ его, Алексѣевой, шпагѣ и къ ножнамъ, и означило, что тотъ конецъ отъ его шпаги. И онъ, Алексѣй, сказалъ тогда, будто у него, какъ сломана шпага и приточена, тому прошло дней 15. И потомъ осмотрѣли на кафтанѣ его, Алексѣя, наперед и на рубашкѣ назади у ворота кровь. Потомъ пошли изъ той квартиры вонъ, и тогда мы, нижеподписавшіеся, поговорили межъ собою, что явились на Алексѣѣ Арбузовѣ многія прилики; и опасаясь гнѣва его царскаго величества, о семъ умолчать мы не смѣли. И того жъ часу мы, нижеподписавшіеся, Алексѣя Арбузова взяли, отдали подъ караулъ у градскихъ воротъ и донесли на словахъ господину генераль-капитану о Алексѣѣ Арбузовѣ, и какія на немъ явились прилики; и его превосходительство генераль-капитанъ Алексѣя Арбузова приказалъ взять и отвести на галеру и сковать въ желѣза, гдѣ онъ, Але-

*

ксѣй, и до нынѣ сидить; а нашъ словесный извѣтъ приказалъ записать въ канцелярію. И того жъ часа шпага Алексѣя Арбузова и конецъ шпажный, который вынять изъ мертвого тѣла, приняты въ канцелярію, а вышписанныя наши извѣтныя слова записаны именемъ Ивана Неплюева. При оной запискѣ его, Ивана Неплюева, допрашивали: бывали ль у Алексѣя Арбузова съ Васильемъ Самаринымъ напередъ сего какія ссоры и драки, или какія похвальныя межъ ими слова; и онъ, Иванъ Неплюевъ, сказалъ, что «у нихъ напередъ сего ссоры и драки были въ Венеціи, въ Корфѣ сея зимы, и Алексѣй Арбузовъ послѣ драки въ Корфѣ говорилъ: «Ежели де Василій Самаринъ напредки будетъ меня бить, то я его заколю, понеже я съ нимъ драться не смогу». И того жъ 4-го числа, въ 10 часу дня, Алексѣй Арбузовъ противъ вышписаннаго нашего словеснаго извѣту допрашиванъ и осматриванъ, а что онъ, Арбузовъ, въ допросѣ своемъ сказалъ, и что по осмотру на немъ яви-

лось, то явствуешь въ дѣлѣ. И того же числа, въ 10 часу дни, Иванъ Павловъ, сынъ Зиновьевъ, нашелъ на квартирѣ своей то полотенце, которымъ Алексѣй Арбузовъ отиралъ свои руки и кафтанъ того утра, а то полотенце было въ 6-ти мѣстахъ въ крови; и онъ, Иванъ, отдалъ то полотенце Василью Татищеву при свидѣтеляхъ, и того жъ часа оное полотенце взято къ дѣлу въ канцелярію. Одинъ балбиръ ¹⁾ грекъ сказалъ Ивану Неплюеву при свидѣтеляхъ что: «сего числа, на первомъ часу дни, пришелъ ко мнѣ въ лавку одинъ вашъ русскій дворянинъ въ зеленомъ кафтанѣ и говорилъ мнѣ, чтобъ я ему заточилъ конецъ шпаги, а я ему отвѣтствовалъ: «господинъ, весьма рано, не могу вамъ сего сдѣлать для того, что не имѣю другаго человѣка, кто бъ вертѣлъ точило»; и онъ мнѣ сказалъ, что «я самъ буду вертѣть»; потомъ тотъ вашъ московскій дворянинъ вынялъ свою шпагу безъ

¹⁾ Barbieri—цирюльникъ.

конца и далъ мнѣ, а самъ вертѣлъ точило, и я ему конецъ у шпаги приточилъ и взялъ съ него за работу двѣ полты» ¹⁾). Потомъ Иванъ Неплюевъ онаго балбира вышеписанныя слова записалъ въ канцеляріи. Вышеписанный балбиръ въ канцеляріи допрашиванъ и въ допросѣ своемъ не запирался. Потомъ Василій Татищевъ да Степанъ Коновницынъ допрашиваны были, по какимъ приликамъ взяли Алексѣя Арбузова и отдали подъ караулъ, и были ль у Алексѣя Арбузова съ Васильемъ Самаринымъ напередъ сего какія ссоры и драки или какія похвальныя между ими слова; и они въ допросахъ своихъ сказали противъ вышеписаннаго. И о томъ же допрашиваны Андрей Сухотинъ да Еѳимъ Цымермановъ, и они въ допросахъ своихъ сказали противъ того жъ. 7-го числа въ томъ же допрашиванъ Семень Дубровскій и всѣ прочіе, и они въ допросахъ своихъ сказали то же. По всему вышепрописан-

¹⁾ Soldo — *копѣйка*.

ному докладывали мы еще генералъ-капитану 18-го числа сего мѣсяца, на что его превосходительство намъ отвѣчалъ, что «сие дѣло еще не кончено, а когда окончится, тогда я прикажу вамъ дать знать». Апрѣля 1-го числа увѣдомились мы, что генералъ-капитанъ о семъ происхожденіи писалъ въ Венецію въ сенатъ. Остаемся вашего благородія всепокорные слуги, гардемарины Иванъ Неплюевъ, Василій Татищевъ, Степанъ Коновницынъ, Семенъ Дубровский, Андрей Сухотинъ, Еюимъ Цымермановъ. Отъ Корфу, апрѣля 2-го дня 1718 года».

Выписка изъ экстракта по сему дѣлу.

«1-е. Въ допросѣ сидѣлецъ изъ трактира показалъ: Сего-де марта 3-го числа были въ трактирѣ двое московскихъ дворянъ, одинъ въ зеленомъ, а другой въ сѣромъ кафтанахъ; сидя за особымъ столомъ, двое играли въ карты, а въ какую игру, того онъ не знаетъ; денегъ у нихъ на столѣ

не было и крику между ими не происходило; а какъ пробило ночи 2 часа, то одинъ другому махнувъ рукою, пошли вмѣстѣ, а куда, того онъ не вѣдаетъ.

«2-е. Жители у того мѣста, гдѣ найдено мертвое тѣло, показали: кто закололъ онаго московскаго дворянина, того они не видали и не знаютъ.

«3-е. Одинъ русскій человѣкъ, Дмитрій Ѳедоровъ, который находится въ венеціанской службѣ въ папешскомъ полку солдатомъ, показаль: былъ-де онъ, Дмитрій, на галерѣ *Башиардо*, и ему, Дмитрію, Алексѣй Арбузовъ сказываль, что онъ закололъ Самарина.

«4-е. По присланному изъ венеціанскаго сената указу велѣно генераль-капитану Алексѣя Арбузова допросить противъ вышеписаннаго; а въ допросѣ онъ показаль: «Василья Самарина я, Алексѣй Арбузовъ, закололъ по сей причинѣ: пошли-де мы оба изъ трактира въ третьемъ часу ночи, и Самаринъ зваль меня на свою квартиру табаку курить, а на дворѣ схва-

тиль онъ меня за уши и, ударивъ кулакомъ въ лобъ, повалилъ подъ себя и потомъ зажалъ ротъ, дабы не кричалъ; а какъ его, Васильевъ, перстъ попался мнѣ въ ротъ, то я его кусалъ изъ всей силы; а потомъ просилъ у Самарина, чтобъ меня пересталъ бить и давить, понеже онъ предъ нимъ ни въ чемъ не виновенъ, на что ему Самаринъ отвѣтствовалъ: «Нѣтъ, я тебя не выпущу, а убью до смерти». Почему я, Алексѣй, принужденъ былъ, лежа подъ нимъ, лѣвою рукою вынуть мою шпагу и, взявъ за клинокъ возлѣ конца, далъ ему три раны, а потомъ и четвертую; почему онъ, Самаринъ, съ меня свалился на сторону, отъ чего и шпага моя тогда переломилась; а я, вскоча и забывъ на томъ мѣстѣ парикъ и шляпу, побѣжалъ прочь, а потомъ для забранія сихъ вещей назадъ воротился и, увидѣвъ Самарина лежаща бездыханна, побѣжалъ на свою квартиру и, пришедъ на оную, кафтанъ мой замывалъ и назастрѣ къ балбину шпагу затачивать ходилъ». И прибавилъ:

«А прежде я въ томъ для того не винился, что не надѣялся, чтобъ меня здѣсь судить стали, а думалъ, что отошлютъ къ моему государю, предъ которымъ я бы ни въ чемъ не заперся. Когда же меня судить велѣно, то я во всемъ вышеписанномъ признаюсь и винюсь по сущей правдѣ».

**Копія съ письма къ матери покойнаго
Самарина.**

«Моя государыня Наталья Алексѣевна! Не можно умолчать, чтобъ вамъ не довести, хотя то и опечалить старость вашу, что случилось здѣсь въ Корфѣ: сего марта 4-го числа нынѣшняго года, во вторникъ вторыхъ недѣли великаго поста, въ первомъ часу дни, сына вашего Василья Ѳедоровича нашли на улицѣ заколота, а кто его заколотъ, того никто не вѣдаетъ; однакоже того жъ числа явились, многія прилики на торопчанинѣ, дворянинѣ Алексѣѣ Арбузовѣ, по коимъ мы его, Арбузова, взяли и, отдавъ подъ караулъ, донесли о

немъ господину генераль-капитану, и его превосходительство приказалъ его, Арбузова, взять на галеру, гдѣ онъ и понынѣ сидитъ скованъ; а нашъ извѣтъ записатьъ въ канцеляріи моимъ именемъ; и онъ, Арбузовъ, допрашиванъ, о чемъ здѣсь дѣло производится. Пространнѣе же сего дать вамъ знать не можно, понеже еще дѣло не кончилось; а чѣмъ оно вершено будетъ, о томъ до вашей милости писать не оставлю. Тѣло же сына вашего погребено у греческой церкви, въ коей лежатъ мощи святаго Спиридона Тримифунтскаго; денегъ по смерти сына вашего ничего не осталось, а что было его скарбу, также кафтанъ и рубашки, то все продано за 10 червонныхъ, которые и роздалъ я на поминаніе души его по греческимъ церквамъ; въ прочемъ пребываю вашъ слуга Иванъ Неплюевъ».

Прошедшаго марта 1-го дня состоялся указъ, чтобъ цехину быть по 31-му фунту, почему съ того числа давали намъ

*

жалованье на мѣсяць по 2 пехина безъ фунта.

Въ ту нашу бытность въ Корфу, получили мы изъ Венеціи отъ господина агента Петра Ивановича Беклемишева, отъ 1-го числа маія 1718 года, письмо слѣдующаго содержанія:

«Писаніе ваше, писанное ко мнѣ изъ Корфу, я здѣсь получилъ во всякой цѣлости, изъ котораго выразумѣлъ о приключившемся случаѣ, а именно чрезвычайномъ несчастіи умершаго господина Квашнина-Самарина, который былъ заколотъ и найденъ на улицѣ, и по сусpekціи на Алексѣя Арбузова нѣкоторыхъ приликъ въ томъ приключеніи оный г. Арбузовъ взятъ за арестъ по повелѣнію его превосходительства господина генералъ-капитана Пизани; и ваша милость о приключившемся случаѣ, здѣсь выше упомянутомъ, въ своемъ извѣстіи, писанномъ ко мнѣ, съ нѣкоторою подробностію дали знать, о которомъ приключеніи происшед-

шемъ, при оказіи обыкновенной почты, по моей рабской повинной должности доносить ко двору его царскаго величества, и какой указъ на то получу, объ томъ къ вамъ буду писать; а между тѣмъ ваша милость не извольте оставить меня безъ извѣстія, что будетъ впредь чиниться. По семъ извѣствую вамъ, что извольте всей своей компаніи объявить вообще, что по сіе время ни писемъ, ни векселей никому не получилъ, и какъ получу, не удержавъ ни моменту, къ вамъ отправлю. Симъ сокращая, остаюсь вашей милости готовымъ слугою Петръ Беклемишевъ».

Копія съ аттестату, каковъ далъ мнѣ, Неплюеву, супракомито Виценца Капелло.

«Господинъ Иванъ Неплюевъ, одинъ отъ дворянъ московскихъ, былъ на моей галерѣ въ общей кампаніи пропешшей и во всемъ показалъ себя въ наукѣ галернаго мореплаванія способнымъ и искуснымъ; таковъ усмотрѣлъ я его существенный

куражъ, показанный отъ него въ случаѣ корабельной баталіи съ флотомъ турецкимъ, бывшей 19 іюля 1717 года, въ портѣ Паганія въ голфѣ Елеусъ, понеже тогда была куннона баталіи и армата (?) *Сутилля*, и при взятіи фортецъ Привезы и Вонницы, какъ были осаждены отъ венеціанъ, такоже и при осадѣ города Дульцина ¹⁾, нынѣшняго 1718 года. И о показанныхъ его изрядныхъ дѣлахъ я усмотрѣлъ самъ во всѣхъ оныхъ случаяхъ и даю ему сие на справедливости основанное свидѣтельство для доказательства о его службѣ и достоинствѣ. Данъ въ Корфу, генваря 1-го дня 1718 года, штиль новый, Маре Венето». Подписалъ оной *Жентелеи* своею рукою *Виценцо Капелло* супракомито во увѣреніе.

(Въ Венеціи годъ начинается съ марта 1-го числа).

¹⁾ Паганія, Превеза, Вонница и Дульцино—укрѣпленные города на турецкомъ берегу Адриатическаго и Іонійскаго морей.

Копія съ атестату, какой далъ мнѣ венеціанскій генералъ Пансквалиго для большаго свидѣтельства сверхъ вышеписаннаго.

«Мы, Жоржій Пансквалиго, проведиторъ-генералъ морской, съ полномочіемъ генералъ-капитана, между молодыхъ московскихъ дворянъ, которые по благодѣянію возвышеннаго сената были содержаны въ галерномъ венеціанскомъ флотѣ со удовольствіемъ всякимъ для наученія практики и обыкновенія военнаго, — изъ нихъ господинъ Иванъ Неплюевъ обѣ пропешдшія кампаніи былъ содержанъ на галерѣ дворянина Виценца Капелло супракомита, съ онымъ былъ на баталіи съ турками 19 числа іюля, штиль новыѣ, 1717 году, въ заливѣ Елеусъ, въ портѣ Паганія, и при взятіи двухъ фортецъ, Превезы, Вонницы и при крѣпкой осадѣ фортецы Дульцина отъ венеціанъ. А нынѣ оный господинъ Неплюевъ по указу отзывается во свое отечество; того ради даемъ ему для под-

тврждєнія вышеписаннаго сіе наше свидѣтельство, которое ему во увѣреніе о себѣ объявить своему монарху. Данъ въ Корфу 1 числа фѣвралѣ 1718 года, Марѣ Венето». У подлиннаго подписалъ своею рукою *Жорзій Пансквалино*, проведиторъ - генераль морской; у подлиннаго печать. Приписалъ *Цезарѣ Ваннаго*, секретарь; на сторонѣ приписалъ «рагіонатъ [ре]гистрато», волдиръ ¹⁾: онъ же и вписалъ въ книгу.

1719-го года генваря 11-го дня получили мы отъ агента Беклемишева письмо изъ Венеціи, отъ 18-го числа ноябрю прошедшаго году; а въ томъ письмѣ онъ намъ пишетъ, чтобъ мы, получа оное письмо, по указу царскаго величества ѣхали всѣ вмѣстѣ въ Венецію; а къ генераль-капитану Андрею Пизани изъ сенату указъ посланъ, чтобъ насъ отпустить и дать бы намъ имбарко ²⁾ и прочее, чтò намъ принадлежитъ, до Венеціи.

Того жъ генваря 14 числа проведиторъ-

¹⁾ Vuol dire — то-есть.

²⁾ Imbarco — снаряженіе.

генераль Пансквалиго объявилъ намъ, что онъ таковой указъ имѣеть, но приказаль дожидать оказій въ Венецію.

Того жъ генваря 27 числа далъ намъ оный генераль выпиcанные атестаты и жалованья намъ выдалъ впредь на проѣздъ марта до 5 числа и далъ намъ ордеръ, чтобъ ѣхать въ Венецію на военномъ кораблѣ *Сантъ-Гайтано* при генераль-проведиторѣ Деизолѣ и кавалерѣ Антоніѣ Лорданѣ и садиться бы намъ на тотъ корабль, когда прикажетъ.

2-го февраля генераль-проведиторъ демаре Пансквалиго объявилъ о рангѣ своемъ указъ, и на *Баишардъ* галерѣ поставили три фонаря на кормѣ, и сего числа надѣлъ онъ, по обычаю ихъ, красное платье и шляпу и башмаки красные и шелъ въ церковь свою съ цермонією въ особой одеждѣ, и при немъ шли всѣ командиры, какъ морскіе, такъ и градскіе.

Февраля 3-го числа сѣли мы на корабль; оный въ 78 пушкахъ, капитанъ итальянецъ Жорзій Фокинето, матросовъ

60 человекъ, солдатъ славянъ и италіянцевъ 200 человекъ. А Алексѣй Арбузовъ посланъ съ нами въ Венецію подъ караваномъ въ желѣзахъ на томъ же кораблѣ.

7-го числа въ вечеру генералъ приказалъ: на корабль.

8-го числа по утру, то-есть, недѣля Сырная, пошли отъ Корфу и подняли на гротстенгѣ генеральный флагъ четверугольный такъ, какъ адмиралъ имѣеть.

Прибыли въ Венецію 20-го числа и легли на якорь во 2-мъ часу, за 15 миль отъ Венеціи.

21-го числа по утру пришли 20 пехотъ, сирѣчь лодокъ, и взяли нашъ корабль на букширъ и ввели въ гавань, и легли въ гавани на якорь того жъ числа въ 16 часу.

22-го числа генералъ Лореданъ поѣхалъ въ карантинъ, а когда онъ ѣхалъ, тогда салютовали его съ того корабля изъ 7 пушекъ.

24-го числа февраля прислалъ къ намъ агентъ Льва Семенникова и съ нимъ прислалъ къ намъ 5 цехиновъ, а 26-го числа еще 4 цехина.

27-го числа свезли насъ съ корабля въ карантинъ и дали намъ каморы безденежно, а за барку заплатили мы два цехина. Карантинъ или контумація ¹⁾ учреждена, дабы не спущать ни съ кѣмъ пріѣзжихъ, опасаясь морскаго повѣтрія.

28-го числа агентъ самъ былъ для развѣдыванія близъ карантина нашего и переслалъ къ намъ 22 цехина.

Марта 3-го числа прислалъ еще къ намъ 6 цехиновъ.

Марта 12-го числа пріѣзжали къ намъ еще въ карантинъ Савва Владиславовичъ Рагузинскій да агентъ господинъ Беклемишевъ, и далъ намъ агентъ 12 цехиновъ.

18-го числа марта пріѣзжалъ отъ агента Левъ Семенниковъ и привезъ намъ 10 цехиновъ; итого получили отъ агента съ 24 числа февраля марта по 25 число 59 цехиновъ, изъ чего пришло намъ, 22 че-

¹⁾ Contumacia значитъ собственно—*не явка въ судъ по повѣсту его*; отсюда выраженія: *sentenza ottenuta in contumacia*—заочный приговоръ и *far la contumacia*—сидѣть въ карантинъ.

ловѣкамъ, на всякій день по 2 фунта, волдирь: русскимъ счетомъ по двѣ гривны. А когда прибыли мы на контумацію, то перваго дни осматривали у насъ въ баулахъ весь багажъ.

24-го марта по утру пріѣхалъ къ намъ отъ агента Левъ Семенниковъ съ большей баркой и привезъ намъ денегъ 102 фунта и 18 шолтъ; изъ оныхъ денегъ заплатили мы гвардану ¹⁾ за 27 дней по 44 шолты на день, итого 59 фунтовъ 18 шолтъ, да фунту ²⁾, который насъ свезъ съ корабля, 15 фунтовъ. Онъ же привезъ намъ ордеръ о выходѣ изъ карантина, за то ему дали 11 фунтовъ, да за ордеръ на канцелярскіе расходы 10 фунтовъ, что учинить 102 фунта 18 шолтъ; и того жъ часу съѣхали мы на оной баркѣ въ Венецію и стали въ одномъ мѣстѣ всѣ, въ локандѣ *дей ре каруны* ³⁾. Господинъ агентъ платилъ за насъ госу-

¹⁾ Guardiano—сторожъ въ карантинѣ.

²⁾ Finto—замѣститель начальника.

³⁾ Locanda dei re corona—юстинница королевской короны.

даревыхъ денегъ за пищу, за каморы, за постели и за свѣчи на день за всякаго человѣка по 3 фунта съ половиною, волдирь: русскимъ счетомъ по 10 алтынъ и 10 денегъ. По прибытіи нашемъ въ Венецію, по указу его царскаго величества господинъ агентъ сдѣлалъ намъ мундиры: кафтаны темносѣрые, обшлага и отвороты красные, камзолы красные, штаны сѣрые жъ и шляпы; а Татищеву, Дубровскому, Коновницыну, Щербатову и Алексѣеву мундировъ не дано, понеже въ письмѣ его царскаго величества за его собственною рукою къ агенту написано, чтобъ сдѣлать платье убогимъ, которые платья не имѣютъ. Жили мы въ Венеціи 12-ть дней.

4-го числа апрѣля господинъ агентъ объявилъ намъ его царскаго величества указъ, что насъ повелѣно отправить въ Гишпанію, съ тѣмъ чтобъ намъ быть въ службѣ Гишпанскаго короля на галерахъ гардемаринами, и объявилъ намъ, что ѣхать надлежитъ чрезъ Ливорну, и поря-

диль одного флорентинца курьера, чтобъ довести насъ до Ливорны, а на проѣздъ отъ Венеціи до Кадикса, гишпанскаго порта, далъ намъ агентъ по 30 ефимковъ каждому, да мундиръ всякій сталъ по 21 ефимку, итого по 51 ефимку или рублю на человѣка; и въ тѣхъ деньгахъ нѣкоторые изъ насъ расписались, съ тѣмъ что ежели государь укажетъ взять тѣ деньги изъ домовъ нашихъ, то мы ихъ платить обязуемся. Онъ же, агентъ, заплатилъ за насъ 80 цехиновъ, которые мы заняли у Арсенія Квартана въ Корфу, и въ тѣхъ деньгахъ дали всѣ вексель. Изъ оныхъ 30 ефимковъ до Ливорны за провозъ и за каморы и за постели и за багажъ и за пищу дали мы оному курьеру по 8 скудей ¹⁾ флорентинскихъ, а всякая скуди по 11-ти фунтовъ венеціанскихъ съ половиною, итого по 4 цехина по 4 фунта съ человѣка, а ефимокъ счисляется 9 фунтовъ съ половиною. Господинъ агентъ далъ намъ письмо его превосходительства господина

¹⁾ Scudo—монета серебряная.

князя Куракина на Кадиксъ къ гишпанскому губернатору донъ Томазу Діакето; онъ же далъ намъ рекомендацію отъ гишпанскаго вице-адмирала, который былъ въ Венеціи, въ Ливорну, къ гишпанскому консулю.

Изъ Венеціи выѣхали мы 4-го числа въ ночи, то-есть, въ недѣлю Оомину, а ѣхали въ баркѣ моремъ подлѣ стѣны ихъ. Отъ Венеціи 25 миль Кастель Гадо, въ 30 миляхъ Терраферма ¹⁾. Въ Террафермѣ ѣхали каналомъ на Оремуче и въѣхали въ рѣку Эчь, венеціянскаго владѣнія, отъ Венеціи 55 миль.

6-го числа проѣхали мы папезскій городъ Феррара, отъ Венеціи 85 миль.

7-го числа прибыли мы въ папезскій городъ Болонія, отъ Феррары 30-ть миль, а ѣхали въ баркахъ каналами бичевою, лошадыми. Того жъ числа поѣхали мы изъ Болоніи по причинѣ горъ верхами, а ба-

¹⁾ Тегга ферма—Венеціанская область на материкѣ, въ противоположность городу Венеціи, расположенному на прибрежныхъ островахъ.

гажъ везли на лошакахъ во व्यюкахъ. Папезскаго владѣнія отъ Болоніи 25 миль, потомъ владѣніе флорентинское.

Прибыли мы во Флоренцію 9 числа, а разстоянія отъ Болоніи 55 миль, итого отъ Венеціи до Флоренціи 170 миль. Во Флоренціи тогда были россіяне, обучающіеся живописному искусству: Иванъ да Романъ Никитины, съ товарищи. Въ Ливорнѣ у гранъ-дука галерія, въ которой разныя вещи отъ пиктуры ¹⁾ и отъ скульптуры древней, отъ Рождества Христова и до нынѣ; онъ же, гранъ-дукъ, строить церковь, и въ серединѣ той [церкви] стѣны отъ разнаго каменья, а строятъ оную церковь безпрестанно 50 человекъ 114-ть лѣтъ, а еще будетъ совершать 100 лѣтъ.

10-го числа въ вечеру поѣхали мы изъ Флоренціи въ баркѣ рѣкою Арно до города Пизы, 40 миль; тутъ верфь, гдѣ строятъ галеры. Отъ Пизы до Ливорны ѣхали каналами 16 миль и прибыли въ Ливорну

¹⁾ Pittura—живопись.

19-го числа, порядили за пищу и за квартиру, со всѣмъ принадлежащимъ, по три павла ¹⁾ съ третью съ персоны на сутки, понеже въ папезскомъ владѣніи, флорентинскомъ и генуезскомъ цекинъ ходитъ по 26 павловъ. Ливорна—городъ флорентійскій при морѣ и портъ великій и крѣпость, солдатъ 2000 человекъ, около города и у порта батарей. Въ Ливорнѣ агентскій шуринъ, Іоаннесъ Кривтъ, гамбургскій купецъ; по прибытіи нашемъ рекомендацію подали гишпанскому консулу Маркези, которую имѣли отъ ихъ вице-адмирала изъ Венеціи, и господинъ Маркези объявилъ намъ, чтобъ ѣхать въ Женову ²⁾, понеже тутъ оказіи въ Кадиксъ нѣтъ, а хотя бъ и были ихъ корабли, то намъ ѣхать на нихъ не можно, понеже они съ туркомъ дружбы не имѣютъ.

13-го числа въ вечеру поѣхали мы отъ

¹⁾ Paolo—монета, ходившая въ папскихъ владѣніяхъ.

²⁾ То-есть, Геную, Генова; дальше—Генова.

Ливорны моремъ въ двухъ фелюкахъ ¹⁾); а за тѣ фелюки заплатилъ за насъ испанскій консуль 8 дуплей и далъ намъ письмо въ Женову къ ихъ маркизу инвіату ²⁾). Отъ Ливорны въ 60 миляхъ владѣніе генуезское, городъ Санта-Марія и Портъ-Венере; при томъ городѣ былъ испанскій крысовой корабль осаженъ отъ аглинскихъ двухъ фрегатовъ.

Прибыли въ Женову 15 числа по утру, и осматривали у насъ въ баулахъ багажъ: стали мы въ локандѣ *аквиля де доро* ³⁾ и платили за квартиры и за пищу и за прочее по 4 павла на день съ человѣка. По прибытіи нашемъ письмо подали испанскому инвіату, и онъ велѣлъ намъ дожидать оказіи. При Женовѣ портъ, и около города отъ моря стѣна. Генуезская республика содержитъ 5 галеръ, и дворянъ 400 человѣкъ, а князь въ Женовѣ выби-

¹⁾ Feluca—*небольшое судно*.

²⁾ Inviato—*посланникъ*.

³⁾ Locanda Aquila d'Oro—*гостинница Золотого Орла*.

рается изъ дворянъ и перемѣняется черезъ 2 года; войска у нихъ въ Генуѣ съ 4000 солдатъ. А когда мы поѣхали изъ Венеціи, Арбузовъ остался подъ карауломъ въ желѣзахъ у венеціянъ, понеже господинъ агентъ по нашъ отъѣздъ указу о немъ никакого не получилъ. Въ Генуѣ былъ намъ другъ одинъ генуежскій дворянинъ, Анжело Жоба, который бывалъ отъ оной республики амбасадоромъ въ Царѣградѣ и зналъ довольно Петра Андреевича Толстого и Петра Павловича Шафирова.

25-го числа апрѣля инвіать испанскій отвѣтствовалъ намъ чрезъ своего консуля, что ему безъ указу своего монарха денегъ намъ дать на проѣздъ не возможно, а мы своихъ только имѣли въ остаткѣ по три цекина съ половиною; и того жъ числа договорились мы съ французскимъ капитаномъ, который на кораблѣ въ Кадиксъ отправлялся; онъ требовалъ за перевозъ до Кадикса и за пищу по 11-ти цекиновъ съ персоны, а деньги чтобъ всѣ напередъ ему даны были.

*

26-го числа Семень Дубровскій, Василій Татищевъ, Иванъ Алексѣевъ, Тимоѣей Щербатовъ, Иванъ Кайсаровъ, Петръ Пороховъ, Алексѣй Бѣлосельскій, Иванъ Неплюевъ, Степанъ Коновницынъ, Иванъ Кукаринъ, итого 10 человекъ, съ онымъ капитаномъ договорились и заплатили ему по 10 цекиновъ съ персоны, а по одинадцатому цекину заплатить ему обѣщали по прибытіи въ Кадиксъ, и взяли съ капитана договорныхъ два письма, и подписали мы и онъ своими руками, и одно письмо взяли мы, а другое онъ взялъ, а письма по договору написаны съ такимъ изъясненіемъ, чтобъ намъ сѣсть на корабль мая 2 числа по утру и съ того числа кормить бы ему насъ съ собою за столомъ до Кадикса и по прибытіи въ Кадиксъ два дни со всякою выгодностію. Письмо его сіятельства князя Куракина и пашпортъ, который намъ данъ отъ господина агента, взяли мы съ собою, а другіе два пашпорты, которые были даны до Женовы, отдали нашимъ товарищамъ. Того жъ 26 числа

товарищи наши 12 человекъ предложили между собою такой совѣтъ, чтобы имъ ѣхать въ Ливорну, и одному изъ нихъ ѣхать бы изъ Ливорны въ Венецію къ господину агенту и требовать бы отъ него себѣ на проѣздъ денегъ; понеже они въ Кадиксъ съ нами отправиться не могли, потому что денегъ не имѣли, и для того наняли они фелюку до Ливорны, дали три цекина съ половиною, и того жъ 26-го числа поѣхали они въ Ливорну, а мы съ ними писали къ господину агенту съ прошеніемъ, чтобъ и всѣхъ насъ помощію не оставилъ.

Мая 1-го числа французскій консуль по приказу своего агента послалъ ордеръ къ оному капитану Винценцію Біанки, чтобъ насъ на корабль не бралъ и ни въ которую сторону не возилъ того ради, что мы ѣдемъ въ службу короля Гиппанскаго, о чемъ имъ говорили цесарскій и англійскій посланники, чтобъ насъ не велѣли везти на ихъ кораблѣ.

Того жъ мая 2-го числа говорили мы

французскому агенту, чтобъ насъ уволилъ ѣхать на ихъ корабль въ Кадиксъ, понеже мы ѣдемъ по указу его царскаго величества въ свое отечество, а не къ Гипшанскому королю въ службу, а между нашихъ монарховъ никакой ссоры нѣтъ, то для чего насъ удерживать? Агентъ на наше представленіе склонился и приказалъ своему консулю, чтобъ тотъ капитанъ насъ по договору отвезъ до Кадикса, въ слѣдствіе чего сѣли мы на корабль и того числа отправили въ Амстердамъ къ его сіятельству князю Куракину 4 письма, къ которыхъ писали о вышеписанномъ происхожденіи и о всемъ партикулярно; изъ тѣхъ два письма послали чрезъ гипшанскаго консуля, а другіе два чрезъ онаго дворянина Анзуля Жова; и того жъ числа писалъ я въ Венецію къ господину агенту о случившемся въ отправленіи нашемъ препятствіи. Корабль, на которомъ мы были, назывался *Санъ-Францешко*, пропорцію въ 46 пушекъ; матросовъ и съ ундеръ-офицерами 30 человекъ.

5-го числа по утру пошли отъ Геновы. Того жъ числа, за безвѣтріемъ, легли на якорь отъ Геновы въ 15 миляхъ.

Отъ того мѣста пошли въ путь 7-го числа.

9-го числа прошли княженіе дука де-Монако, которое бывало Генуезской республики, а нынѣ подъ протекцію Французскаго короля; отъ Геновы во 120 миляхъ. Того жъ числа прошли мы два порта дуки Савойскаго, первый—Вилля-Франка, второй—Нича. Потомъ пошли возлѣ Французской земли; у острововъ Ересъ выходили два французскихъ крюсовыхъ капора и какъ сошлись съ нами, тогда нашъ капитанъ спросилъ оныхъ позволенія; и салютовали съ нашего корабля капорному командиру, кричали «ура» 5 разъ; отъ него отвѣтствовали 3 раза; потомъ ему съ нашего корабля еще кричали «ура» трижды; по окончаніи сего нашъ капитанъ ѣздитъ къ нему на капоръ; и пріѣхавъ отъ него, пошли въ путь. А на оныхъ капорахъ командиромъ морской капитанъ;

солдатъ на капорахъ по 130 человѣкъ. Отъ Геновы курсъ мы имѣли между Понента и Горбина.

11-го числа прошли французскій городъ Тулонъ.

12-го числа, за противнымъ вѣтромъ, приплыли мы къ Тулону и легли на якорь. Тулонъ отъ Геновы 250 миль.

13-го числа были мы въ Тулонѣ перво у губернатора. Нашихъ русскихъ гардемаринъ въ Тулонѣ было 7 человѣкъ: Андрей Ивановъ сынъ Полянской, Воинъ Яковлевъ сынъ Римскій-Корсаковъ, Михаилъ Андреевъ сынъ Римскій - Корсаковъ, князь Александра Дмитріевъ сынъ Волконскій, князь Борисъ Семеновъ сынъ Борятинскій, князь Борисъ Григорьевъ сынъ Юсуповъ, Александра Гавриловъ сынъ Жеребцовъ. Учатся они въ академіяхъ съ французскими гардемаринами, которыхъ въ той академіи 120 человѣкъ, навигаціи, инженерству, артиллеріи, рисовать мачтаповъ, какъ корабли строятся, боцманству (то-есть, оснащать корабли),

артикулу солдатскому, танцовать, на шпагахъ биться, на лошадахъ ѣздить; въ школу ходять дважды въ день; а учать ихъ всему безденежно королевскіе мастера; а жалованья отъ королевскаго величества дается имъ на мѣсяць по 3 ефимка; а ежели кто согрѣшитъ, въ штрафъ сажаютъ въ тюрьму, по разсмотрѣнію вины, за большую вину на полгода на одинъ хлѣбъ и воду, и никого въ тюрьму не пускаютъ. Въ Тулонѣ городѣ повѣзеновъ (?) 50 человекъ отъ флага адмиральскаго; они стоятъ у адмирала на караулѣ и числятся старшѣ гардемариновъ; жалованья имъ больше. При Тулонѣ строятъ корабли, и было въ гаванѣ кораблей десять военныхъ, стояли розснащены.

14-го числа пошли мы отъ Тулона.

15-го числа прибыли ко французскому жъ городу Марсели и легли на якорь. Въ Марселии галерная гавань, въ ней стояло 25 галеръ, на всякой галерѣ капитанъ одинъ, поручиковъ два, подпоручиковъ два, гардештандартовъ два, и прочіе ун-

деръ-офицеры деля цурма синифика ¹⁾), цурма каторжная, въ компаніи; солдатъ бываетъ по компаніи на галерѣ, въ которой компаніи 50 человѣкъ солдатъ; при оной же гавани въ городѣ арсеналь галерный, то-есть, адмиралтейство; въ немъ строить галеры и прочіе галерные припасы, а галеры ихъ—малтійскимъ дѣломъ, безъ новизналей. Марселія отъ Геновы 30 миль; въ Марселіи жъ школа, въ которой 30 человѣкъ изъ перваго шляхетства учатся математикѣ, артикулу, боцманству галерному и прочему, принадлежащему къ навигациі, и танцовать; и они числятся выше гардемариновъ, а зовутся они гардепшандартами, потому что на галерахъ флаги съ гербомъ королевскимъ, то-есть, штандарты, какъ и нашего монарха гербъ—орелъ; и у оныхъ гардепшандартовъ капитаномъ королевское величество, и они же, кромѣ короля, ни къ кому на караулъ не

¹⁾ То-есть, della turma. Turma significa—отборный отрядъ.

ходить; жалованья онымъ по три дупли съ половиною, изъ того числа на мундиръ у нихъ вычитаютъ по 10 франковъ на мѣсяцъ, которыхъ франковъ въ дуплѣ по 20, а нашихъ денегъ въ дуплѣ 4 рубля безъ четверти. Есть во оныхъ много малѣйшихъ кавалеровъ; а жалуютъ гарде-штандартовъ въ подпоручики галерные, понеже всѣ галерные офицеры изъ гарде-штандартовъ происходятъ по чинамъ. Мундиръ на гардемаринахъ—кафтаны красные и чулки.

Въ бытность нашу при Марселіи, 18-го числа въ вечеру говорили мы корабельному капитану, что онъ насъ худо кормить, и онъ намъ отвѣтствовалъ, что «я де вамъ въ портахъ не повиненъ стола давать, договоръ де нашъ разумѣется отъ Геновы до Кадикса и пища въ путь, а когда де я прійду въ какой портъ, тогда де вы повинны свое ѣсть, съѣхавъ на берегъ, какъ и прочіе пассажиры всегда такъ дѣлаютъ».

19-го числа мая били челомъ мы на капитана губернатору; оный губернаторъ

*

послалъ насъ къ логотененту ¹⁾ мусье Жеринъ, у котораго подъ вѣдѣніемъ всякія морскія дѣла, и онъ говорилъ капитану, что ему надлежитъ намъ давать пищу и въ портахъ до уреченнаго мѣста Кадикса по договорному нашему письму, для того что въ письмѣ о портахъ не упомянуто,— въ чемъ капитанъ словесному его приказу не послѣдовалъ, приносилъ въ резонъ, будто онъ въ портѣ не повиненъ про насъ имѣть стола; и оный логотенентъ велѣлъ намъ подать суплику ²⁾, что мы и учинили; и на той супликѣ оный логотенентъ помѣтилъ, чтобы капитана сыскать въ канцелярію и противъ нашего челобитья допросить; и оный капитанъ вмѣсто допросу далъ сказку, подписалъ подъ оной челобитной въ отвѣтствіе, что онъ столь про насъ держитъ и впредь держать по своему договору во всякомъ до Кадикса мѣстѣ обязуется.

¹⁾ Locotenente—*лейтенантъ*.

²⁾ Supplica—*прошеніе*.

22-го числа судьи, слушавъ онаго дѣла, помѣтили, чтобъ оному капитану по договорному своему письму держать про насъ столъ во всякомъ мѣстѣ до Кадикса противъ договорнаго нашего письма, и противъ тоѣ помѣты дали намъ указъ; а когда дѣло слушали, докладывалъ по дѣлу дьякъ, а отвѣтствовалъ за капитана наемный стряпчій «адвокатъ», да писарь его корабля, а отъ насъ былъ я, Иванъ Неплюевъ. Судьи во Франціи ходятъ въ черныхъ платьяхъ, также и дьяки; а дьяки называются прокураторы; всѣхъ дѣлъ канцеляріи и судьи въ одномъ домѣ по разнымъ каморамъ, которыя палаты называются «палацо де юстиція».

Отъ Марселіи пошли мы мая 26-го числа.

Пришли къ Аликанту, гишпанскому городу, іюня 1-го числа и легли на якорь. При немъ порту нѣтъ; разстоянія отъ Марселіи 400 миль, а отъ Женовы 700 миль, которыя въ градусѣ по 75. Оный Аликантъ въ прошедшую войну былъ взятъ

отъ агличанъ и отъ цесаря; потомъ возвратили Гишпаніи.

Отъ Аликанту 7-го числа пришли въ Кареагену, гишпанскій же городъ, и легли въ портъ на якорь 10-го числа. Разстоянія отъ Аликанта 60 миль; въ Кареагенѣ зимуютъ галеры. Того жъ числа капитанъ былъ у губернатора, который приказалъ ему объ насъ, чтобы мы были всѣ къ нему.

И по сему приказу 11-го числа пришли мы къ губернатору конте де-Ровиръ. И онъ, посмотря нашего пашпорту, сказалъ намъ, что его царскаго величества 40 кораблей будетъ въ помощь къ ихъ королю, о чемъ отъ королевскаго величества указъ имѣеть, чтобъ въ портахъ приготавливали провизію для того россійскаго флота. На что объявили мы губернатору, что и мы ѣдемъ въ службу ихъ короля, и просили совѣта, что можно ли намъ проѣхать моремъ въ Кадиксъ, понеже въ Перузъ Гибралтарской крѣсуть аглинскіе корабли. На что онъ губернаторъ сказалъ: «лучше вамъ ѣхать до Малаги, гишпанскаго города,

моремъ», и въ Малагу къ губернатору далъ письмо, чтобъ насъ отъ Малаги отъ править бы въ Кадиксъ сухимъ путемъ, и капитану о томъ приказалъ, чтобъ насъ ссадилъ въ Малагѣ, далъ письмо, чтобъ съ капитана обычныхъ пошлинъ въ Малагѣ не брать, потому что онъ посланъ въ Малагу для насъ.

Пошли мы изъ Каррагены 18-го числа.

23-го числа, за противнымъ вѣтромъ, легли на якорь при гишпанскомъ кастелѣ ¹⁾ Ракето; тутъ же неподалеку городъ ихъ Армилие ²⁾, отъ Каррагены съ 100 миляхъ. У Кадегато ³⁾ видѣли мы барбаретскіе крѣстовые корабли, гдѣ всегда обычно крѣсуютъ.

Пошли отъ Ракета 24-го числа, въ вечеру. Сей день рождество святого Іоанна Предтечи.

28-го числа прибыли къ Малагѣ и легли на якорь. Малага отъ Каррагены 200 миль.

¹⁾ Castello—замокъ.

²⁾ Альмерія.

³⁾ Мысъ Cabo de Gato.

29-го числа, по рекомендаціи кареагенскаго губернатора, просили исполненія у губернатора, и онъ намъ велѣлъ сойдти съ корабля и приказалъ насъ въ трактирѣ кормить на счетъ королевскій. Послѣдую тому, съѣхали мы съ корабля, заплатя капитану достальныя 10 цекиновъ.

28-го числа прибыли въ Малагу наши товарищи 12 человекъ, которые остались въ Ливорнѣ, а изъ нихъ Кашкинъ ѣздитъ въ Венецію, и господинъ агентъ далъ имъ на проѣздъ по 18-ти цекиновъ на человека отъ Ливорны до Барселоніи, а отъ Барселоніи до Малаги дано было имъ же на проѣздъ отъ гишпанскихъ министровъ королевскихъ денегъ.

30-го числа малажскій губернаторъ, по ордеру обрѣтающагося тутъ сухопутнаго генерала-капитана, далъ намъ лошадей и на пищу 100 пецъ ¹⁾, которыхъ въ цехинѣ 2¹/₂. Въ тѣхъ деньгахъ расписался я, Неплюевъ, да Петръ Зиновьевъ. Оныя деньги

¹⁾ *Peso—піастръ*, испанская монета.

6-го числа августа, штиль *vejo* *), расписали насъ въ шесть кварть, а въ первую квартиру изъ насъ никого не написали, и какъ гишпанскіе, такъ и мы ходили во академію всегда, кромѣ того, что мы къ объѣднѣ не ходили; а учились со оными солдатскому артикулу, танцовать и на шпагахъ биться; а къ математикѣ приходили, только безъ дѣла сидѣли, понеже учиться не возможно, для того, что мы ихъ языку не знали. Въ тѣ жъ числа просили мы многожды, чтобъ насъ, противъ рекомендаціи князя Куракина, послать служить на галеры его королевскаго величества. Онъ намъ сказалъ, что его королевское величество содержитъ только 6 галеръ, и тѣ въ Сициліи: «и опредѣлить де васъ, кромѣ академіи, не куда; а жалованья вамъ не прибавятъ»; и на ихъ галерахъ гардемаринъ нѣтъ. И объ ономъ обо всемъ писали мы многожды въ Санктпетербургъ къ адмиралу Федору Матвѣвичу Апраксину, и въ

*) Старый стиль.

Голландію къ послу князю Борису Ивановичу Куракину, и просили ихъ, чтобъ они доложили его царскаго величества, чтобъ насъ повелѣлъ опредѣлить въ службу и опредѣлилъ бы намъ свое государево денежное жалованье, чѣмъ бы мы могли содержаться, понеже гишпанскимъ жалованьемъ намъ содержаться не возможно, и въ житьѣ нашемъ пользы намъ никакой нѣтъ, понеже шпанское и танцовальное ученіе къ службѣ его величеству въ насъ годно быть не можетъ. А жалованья королевскаго въ руки намъ не давалъ поручикъ де-компанія, а платилъ за насъ за пищу и за квартиру по двѣ добли на мѣсяць съ персоны, отчего мы имѣли нужную пищу, а пили только воду; оный же за мытье рубашекъ и прочаго платилъ за насъ по полупецы на мѣсяць, и по приказу его перемѣняли мы по три рубашки въ недѣлю и брали на мѣсяць по парѣ башмаковъ, за которые онъ платилъ за насъ по 9 реалей, да плата за пару; онъ же платилъ за

насъ балбиру по 4 реалья на мѣсяцъ, который брилъ намъ бороды по 2 раза въ недѣлю, а паруки намъ пудрилъ по трижды въ недѣлю; и за тѣмъ за всѣмъ осталось намъ по 4 реалья по 5 квартъ отъ мѣсяца; и оныя платилъ за насъ портному мастеру за починку верхняго платья, или кто что возьметъ новое противъ жалованья.

13-го числа августа умеръ нашъ товарищъ, гардемаринъ, князь Алексѣй Андреевъ сынъ Бѣлосельскій; за тѣмъ насъ осталось 21 человекъ.

19-го числа августа противъ письма князя Куракина послали мы къ королевскому величеству челобитную, и притомъ къ секретарю его величества, аль донъ Микель Фернадепу Рангъ де-Епаро, писали письмо, въ которомъ просили его по супликѣ нашей доложить его королевскому величеству, чтобъ насъ его величество повелѣлъ послать въ службу на галеры, понеже намъ во академіи учиться не возможно того ради, что гишпанскому языку не знаемъ, и чтобъ его величество прибавилъ намъ жалованья,

*

понеже вышеупомянутымъ жалованьемъ намъ содержаться не возможно, а отъ царскаго величества нынѣ мы денежнаго жалованья не имѣемъ. И противъ того оный секретарь намъ отвѣтствовалъ письмомъ же, что его королевское величество повелѣлъ отписать къ намъ, чтобъ намъ быть во академіи и учиться языку и прочаго, а на галерахъ намъ быть не возможно, понеже галеры въ Сициліи, а въ жалованьи намъ его величество излишнемъ противъ ихъ, гардемариновъ, опредѣлили отказать. По полученіи сего письма о всемъ писали мы въ Голландію къ послу князю Борису Ивановичу Куракину.

12-го числа сентября вся компанія, офицеры и гардемарины, собраны были въ кастель, и при насъ указомъ королевскимъ съ одного гардемарина офицеры велѣли снять королевскій мундиръ и объявили намъ его за бездѣльника, чтобъ гардемарины съ нимъ компаніи не имѣли за то, что онъ женился безъ указа, — понеже имъ жениться не велѣно; и отказали оному отъ

компаніи, а сверхъ того, оный изъ королевской службы выкинуть и отпуцень на волю; а покуда объ немъ отписывались къ королю, потуда онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, съ 25-го дня.

Октября 6-го числа, штиль вежо, товарищъ нашъ, гардемаринъ Иванъ Ивановъ сынъ Аничковъ, сошелъ съ ума, и отъ того числа содержался въ кастелѣ, никуда не выпуская, понеже дѣлалъ всякіе непорядки и говорилъ вздоръ.

Октября 19-го числа получили мы отъ князя Бориса Ивановича Куракина письмо, писанное изъ Гаги, сентября отъ 18-го числа, въ которомъ онъ намъ писалъ, что онъ письма наши изъ Кадикса получилъ, которыя мы къ нему писали, и по онымъ онъ ко двору его царскаго величества писалъ и во увѣреніе подлинное наше письмо послалъ, и какъ на то получить отъ государя указъ, обѣщалъ къ намъ отписать.

Октября 29-го числа собраны были въ кастель вся компанія, офицеры и гардемарины, и указомъ королевскимъ сняли съ

одного гардемарина мундиръ и выкинули его изъ гардемариновъ, и объявили его за противника королевскому величеству за то, что онъ чинилъ противности и непослушаніе поручику своему (разумѣется: противенъ командѣ — противенъ королю); и сидѣлъ онъ въ тюрьмѣ 5 мѣсяцевъ на хлѣбѣ и на водѣ; и повелѣно его выкинуть изъ гардемариновъ, послать въ ссылку за карауломъ въ городъ Сеуту, что и учинено. Сеута — городъ гишпанскій въ Африкѣ, между Медитерана и Осіана.

18-го числа ноября, штиль вејо, по именному его королевскаго величества указу риформовали гишпанцевъ гардемариновъ 20 человекъ за то, что они не имѣли прилежности къ наукѣ, а прочимъ сказали указъ, что которые имѣютъ прилежность и приняли науки, тѣ будутъ пожалованы по времени въ офицеры; а ежели которые прилежности къ наукѣ имѣть не будутъ, тѣ тако жъ выкинуты изъ академіи будутъ, — чего ради интендантъ пріѣзжалъ во академію.

20-го ноября расписали гардемаринъ на 6 квартиръ.

Того жъ ноября 18-го числа объявилъ намъ губернаторъ Томазо и Діакесъ, что онъ получилъ изъ Голландіи отъ князя Бориса Ивановича Куракина письмо, въ которомъ къ нему пишетъ, чтобъ насъ прислать въ Амстердамъ на кораблѣ, а за имбарку и за пищу будутъ деньги заплачены государевы отъ князя Куракина. Однако оный губернаторъ безъ указу своего короля учинить того не можетъ, о чемъ того жъ числа писалъ ко двору королевскаго величества.

14-го числа декабря получили мы отъ князя Куракина письмо, въ которомъ намъ пишетъ, что намъ по указу царскаго величества велѣно возвратиться въ отечество, и объ отправленіи нашемъ онъ писалъ къ губернатору Кадикскому, чтобъ насъ отправилъ въ Голландію на голландскихъ корабляхъ, и отправляться бы намъ немедленно.

15-го числа декабря губернаторъ намъ объявилъ, что онъ отъ королевскаго вели-

чества объ отправленіи нашемъ по письму князя Куракина указъ получилъ, и велѣлъ намъ дожидаться оказіи въ Голландію. Того жъ числа получили мы отъ князя Куракина другое письмо о своемъ отправленіи противъ выпеписаннаго.

29-го декабря получили мы отъ князя Куракина еще третье письмо объ отправленіи нашемъ противъ выпеписаннаго жъ, которое все писано его рукою; въ ономъ же онъ къ намъ пишетъ, что ежели мы имѣемъ въ деньгахъ нужду, чтобъ намъ занять и вексель дать на имя его.

1720-го года, генваря 16-го дня, генералъ и губернаторъ Кадикскій донъ - Томазо и Діакесъ по письму князя Бориса Ивановича Куракина занялъ намъ денегъ у купца донъ Изанбеше въ Кадиксѣ 63 добли и далъ намъ всякому по 3 добли, а тому купцу далъ вексель за своею рукою въ томъ, что тѣ деньги будутъ заплачены отъ князя Куракина въ Амстердамѣ корреспонденту его, донъ Петро Тречао, корреро маритимо ¹⁾),

¹⁾ Corregga maritimo—*куррьеръ морской*.

губернаторъ отдалъ комиссару, котораго послалъ съ нами, и велѣлъ насъ кормить, въ прочемъ содержать до Кадикса.

Выѣхали мы изъ Малаги 30-го числа.

Юля 2-го числа проѣхали гишпанскій городъ Ронда, 11 лехъ отъ Малаги, которыхъ лехъ въ градусѣ 17¹/₂.

3-го числа проѣхали деревню Борно, 20 лехъ отъ Малаги.

4-го числа проѣхали городъ Хересь де-Фронтера, 26 лехъ отъ Малаги.

5-го числа поѣхали въ барѣѣ въ Кадиксъ, понеже тутъ моремъ 2 лехи. Того жъ числа прибывъ въ Кадиксъ, письмо его сіятельства князя Куракина подали губернатору, а тотъ губернаторъ у себя такихъ дѣлъ не отправляетъ, понеже онъ сухопутный генераль-поручикъ. Онъ отослалъ насъ ко интенданту де-марина ¹⁾); тотъ интендантъ далъ намъ квартиры и платилъ за насъ изъ королевской казны за квартиру и за пищу по три реалъ ²⁾), да плата съ персоны,

¹⁾ Морской интендантъ.

²⁾ Испанская монета.

которыхъ реаловъ въ пеціи по 8. И писали они объ насъ къ королевскому величеству, а намъ велѣли дожидаться указа, понеже объ насъ указу отъ короля своего никакого не имѣли.

20-го числа пришли авизіи, что гишпанцы имѣли баталіи съ цесарскимъ войскомъ въ Сициліи, на которой гишпанцы выиграли, побили тадесковъ 7000, и за оную викторію былъ фунціонъ ¹⁾ по 3 дни, то-есть, по отпускѣ молебна палили изъ пушекъ и по вечерамъ вездѣ въ домѣхъ ставили свѣчи. А достальное цесарское войско осталось въ осадѣ, въ горахъ, котораго еще будетъ около 12,000, а гишпанцевъ 25,000. Кадиксъ на острову, на мысу; сухой путь къ крѣпости съ одной стороны; гарнизону въ немъ 4 полка, да около порту, по другимъ крѣпостямъ, три полка. Оной числится въ провинціи Андалузіи, въ которой губернаторъ въ портѣ Санта-Маріи; а губернаторъ у нихъ называется генераль-капитанъ, а комендантъ зовется

¹⁾ Funzione—упражненіе.

губернаторъ. Между терры-фермы и острова Кадикса портъ корабельный, который числится первый портъ въ Гишпаніи; около онаго многія цитадели; обычай гишпанскій: когда прійдетъ въ портъ какой купеческій корабль иностранный, то оной, пришедъ въ бадью, салютуетъ изъ пушекъ, а съ города никакому кораблю не отвѣтствуютъ; часовой солдатъ ежели стоитъ съ фюзеей на часахъ, и ежели мимо его идетъ офицеръ, которому по нашему надлежитъ ружье поставить, а у нихъ—подниметъ на плечо, вмѣсто караулу, а генераламъ ставится на караулъ; противъ нашего же, стоя на часахъ, держитъ всегда, не спущая, на рукѣ.

Августа 4-го числа отъ его королевскаго величества присланъ указъ ко интенданту де-марина, аль донъ Францешко де-Варасъ, и къ поручику гардемаринскому, аль донъ Юзефъ Маринъ, по которому повелѣно насъ опредѣлить во академію и содержать въ компаніи гардемаринской, какъ ихъ гардемарины содержатся; а жалованье на

*

мѣсяцъ на человѣка по двѣ добли ¹⁾, и по двѣ печи, и по пяти реалей де плата, и по пяти кварталы, которое по русски сдѣлаетъ 10 ефимковъ; а мундиръ намъ не опредѣленъ. А ихъ гардемаринамъ жалованья дается по 8 и по 5 реалей и по 5 пецъ; по двѣ печи вычитаютъ у нихъ на мундиръ. А окладъ гардемарину противъ прапорщика по 16 ефимковъ; на прочія деньги вычитаютъ у нихъ учителямъ и на содержаніе академіи, и въ гошпиталь. Во время нашего приѣзда въ компанію въ ротѣ было гардемариновъ 240 человѣкъ, изъ того числа въ Сициліи на корабляхъ 60 человѣкъ, въ Америкѣ на корабляхъ 18-ть человѣкъ. Мундиръ на гардемаринахъ королевскій: кафтаны васильковые, обшлагы красные, пуговицы и петли золотомъ обшиты, камзолы и чулки красные, штаны васильковые; а которые служатъ на корабляхъ, тѣмъ даются еще суртуки васильковые простые. А ежели гардемаринъ занеможетъ, то содержанъ бываетъ въ го-

¹⁾ Дублонъ, испанская монета.

шпиталѣ, какъ лѣкарствомъ, такъ и пищею и прочимъ всѣмъ; сколько будетъ лежать, изъ его жалованья за мѣсяцъ вычитается по 5 пецъ, а прочія отдаются ему. А ежели котораго отпустить на время домой, и тогда ему жалованья дается безъ вычета. А въ гардемарины безъ именного королевскаго указу никого не принимаютъ, понеже всѣ должны быть свидѣтельствованные дворяна; а нѣкоторые есть и офицерскія дѣти, записанныя особымъ именнымъ королевскимъ указомъ за службу отцовъ ихъ. Гардемаринамъ жениться отнюдь не дозволяется, покуда не выйдетъ въ офицеры. Жалуютъ оныхъ въ поручики и въ подпоручики, а на фрегаты въ офицеры, а фрегатные у нихъ противъ сухопутныхъ; оные же жалуются въ артиллерійскіе офицеры такими же рангами; тако жъ выпускаютъ ихъ въ драгунскіе и пѣхотные полки въ поручики и въ прапорщики; и ежели который можетъ у полковника купить роту, того жалуютъ и въ капитаны, потому что полковникъ вербуетъ

солдаты за свои деньги. Квартирны ни гардемарины, ни офицеры въ Гиппаніи не дается, и нанимають за свои деньги изъ жалованья; а нѣкоторымъ гардемарины даны квартиры королевскія въ кастелъ; а мы нанимали изъ жалованья. По ордеру королевскому долженъ всякій гардемаринъ во второмъ часу ночи быть на квартирѣ и никуда ночью съ квартиры не сходить, чего, ходя по вечерамъ, осматривають бригады, а ежели который гардемаринъ явится въ какой винѣ, то поручикъ и прочіе офицеры штрафуютъ; первый штрафъ: скажутъ арестъ, чтобы никуда съ квартиры не сходилъ; 2-ой: сажаютъ въ камору и замыкають; 3-ій: по великой винѣ сажаютъ въ тюрьму и ѣсть, кромѣ хлѣба и воды, не даютъ. А на караулъ оныя ни къ кому не ходять, кромѣ королевскаго величества, да во время ученія стоитъ на караулѣ одинъ.

Офицеры компаніи гардемариинской. Капитанъ — его королевское величество. Команданте де-компанія, который править за

капитана-поручика, — донъ Луисъ д'Ормей (рангъ его противъ генерала-маіора), который больше живетъ при дворѣ. Поручикъ, логотененте де-компанія, — донъ Юзефе Маринъ; рангъ его полковничій; жалованья ему по 30 доблей на мѣсяцъ; или рангъ его противъ капитана морского, понеже капитанъ морской равенъ полковнику, о чемъ ему и прочимъ офицерамъ даны отъ короля патенты. Подпоручикъ, офицеръ де-компанія, — донъ Гуанъ Наваро; рангъ его подполковничій; жалованья ему по 25 доблей на мѣсяцъ; онъ же и жалованье принимаетъ отъ комиссарства на всю компанію и раздаетъ. Бригадировъ де-компанія, сержантовъ—4 человекъ, которыхъ рангъ капитана сухопутнаго (жалованья онымъ по 12^{1/2} доблей на мѣсяцъ): донъ Августинъ Редонда, донъ Геронимо Буштомметъ, который въ Сициліи на корабляхъ съ гардемаринами, донъ Юзефе Павестеръ, донъ Гашперъ де-Евна, который учитъ артикулу солдатскому повсядневно. Мастеръ, который учитъ математикѣ всѣхъ

повсядневно, — донъ Францешко де-Орье; жалованья ему по двѣ добли съ половиною на всякій день. Мастеръ, который учить артиллерному искусству, жалованья имѣть 15 доблей на мѣсяць. Во академіи жъ: фехмейстеръ одинъ, который учить на шпагахъ биться; жалованья ему 15 доблей на мѣсяць; танцмейстеръ одинъ, который учить танцовать; жалованья ему 15 доблей на мѣсяць.

О ученіи гардемариновъ. По утру собираются всѣ въ церковь, въ указной часъ, и чередной брегадиръ, понеже по установленію должны къ обѣдни приходить на всякъ день; потомъ въ академіи учатся всѣ математикѣ два часа; а за вины ихъ штрафуетъ брегадиръ. Въ другой разъ сходятся гардемарины во академію послѣ обѣда въ 3 часа вседневно: 3 кварталы учатся артиллерному искусству, двѣ кварталы учатся солдатскому артикулу, одна кварта учатся на шпагахъ биться, одна жъ кварта учится танцовать; учатся симъ образомъ, перемѣняясь по вся дни, по полтора часа.

по 18-ти на сто, и того всего на голландскія деньги 713 флориновъ гульденъ и 12 штиверовъ. Того жъ числа оный же губернаторъ договорился съ датскимъ капитаномъ Буй Нельшенъ, чтобъ ему насъ свести на своемъ кораблѣ, имянуемомъ *Соль*, въ Голландію и кормить съ собою, и ежели за противнымъ вѣтромъ или иного какого ради случаю зайдетъ въ какіе порты, непременно вездѣ насъ въ пищѣ содержать до Голландіи; взять ему въ Амстердамѣ у князя Куракина по 31 пеціи, чего будетъ 1502 флориновъ. И о всемъ вышеписанномъ губернаторъ далъ письмо за своею рукою; а оныя за 21 человекъ 651 взять оному корреспонденту Петро Тречао. О семъ мы къ князю Куракину того жъ числа писали.

Генваря 28-го числа получили мы письмо изъ Амстердама, отъ резидента господина Кристофора Брандта, въ которомъ къ намъ пишетъ, чтобъ намъ взять въ Кадиксѣ, у купца господина Лапкета по 50-ти ефимковъ на каждую персону для отправленія до Голландіи. И по оному письму взяли

мы только по 19 ефимковъ на персону, а по 31 ефимку отъ персоны велѣли ему, Лашкетѣ, перевести въ Амстердамъ для платежу за насъ датскому капитану противъ вышеписаннаго договорнаго губернаторскаго письма. Того жъ числа вышеозначенные заемные 63 добли купцу донъ Изанбеше заплатили и отъ него заемное губернаторское письмо взяли назадъ; и о всемъ вышеписанномъ того жъ числа писали мы до его сіятельства князя Куракина, тако жъ и до резидента Бранта. И сверхъ того, была объ насъ отъ резидента рекомендація, чтобъ намъ вездѣ въ Гишпаніи въ деньгахъ вѣрили, сколько понадобится на проѣздъ.

Февраля 6-го числа корабль нашъ былъ готовъ отходить въ путь, но воспрещено указомъ королевскимъ, чтобъ никакому купеческому кораблю изъ порту не выходить, покуда не выйдетъ шквадра¹⁾ королевскихъ кораблей.

12-го числа пошло въ Америку западную два корабля линейныхъ, да фрегатъ,

¹⁾ Squadra—эскадра.

на которыхъ гардемариновъ 40 человекъ, при бригадирѣ донѣ Юзефе Павестеръ. При нихъ же пошли купеческихъ 5 кораблей да одна тартана.

Февраля 17-го дня imbarкались мы на корабль вышеозначенный, имянуемый *Соль*, котораго пропорція 50 пушекъ; а было на немъ только 26 пушекъ, понеже нижній декъ безъ оконъ, по обычаю купеческому; капитанъ Буй Нельпенъ патентъ имѣеть военный; людей на немъ 50 человекъ. И пошли мы въ путь того жъ числа.

12-го марта звали мы къ себѣ аглицкой торговый корабль, палили изъ пушки, чтобъ онъ парусы отмѣнилъ и насъ дожидался, отъ котораго мы взяли свѣдѣнія, сколь далече мы отъ земли.

13-го числа, по обычаю морскому, мы, убавя парусы, дожидали гамбургской флейты ¹⁾).

14-го числа вошли въ каналъ и шли возлѣ Англіи.

16-го числа отъ полуночи сталъ вѣтеръ крѣпкій вѣять, которымъ мы вышли изъ

¹⁾ Грузовое судно.

каналу, между мелей. Того жъ числа отъ полудни сталъ вѣтеръ нордъ-вестъ съ великимъ штурмомъ, въ 6-мъ часу по полудни сталъ штурмъ, и большой парусъ фокъ разодрало; и гротъ-рей, и фокъ-рей опустили, и руль подвязали, и пустились на волю Божию, и понесло корабль на остъ, къ мели, къ Голландской землѣ, понеже были отъ земли только 20 миль; однако, Богъ сохранилъ: къ полуночи вѣтеръ утихъ.

18-го числа пошли мы на остъ, понеже вѣтеръ противенъ, и въ Тексель идти не можно; и увидя лопмановъ, звали ихъ пушечной стрѣльбой къ себѣ, перво просто, потомъ съ ядрами, и легли на якорь. За провозку корабля далъ капитанъ лопманамъ 130 гульденовъ. Портъ зовется Фанъ-Шлейссе; республичныхъ 20 кораблей стоятъ военныхъ въ портѣ, оснащены.

19-го числа по утру поѣхали мы съ корабля, салютовали насъ трижды, кричали ура и палили изъ трехъ пушекъ. Отъ Фанъ-Шлейсса ѣхали мы на фурахъ до Бриля одну легу, отъ Бриля черезъ заливъ 2 леги,

мѣстечко Маптенлянгъ-Шлюссъ, отъ того каналами Делфтъ 3 леги¹⁾. Отъ Гарлема до Амстердама 2¹/₂ леги. Путь все каналами.

Прибыли мы въ Амстердамъ 20 числа; отъ Фанъ-Шлейссе до Амстердама издержалъ намъ на пищу и на провозъ капитанъ своихъ 163 гульдена; и по прибытіи своемъ просили мы его царскаго величества резидента Кристофора Игнатьевича, чтобъ онъ за насъ заплатилъ капитану за провозъ до Голландіи по 31 ефимку съ персоны, тако жъ и оныя 163 гульдена. И оный резидентъ капитану сказалъ, что ему деньги будутъ заплачены всѣ, а намъ далъ по 4 ефимка на персону и велѣлъ намъ дожидать его сіятельства князя Бориса Ивановича Куракина.

Князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ прибылъ въ Амстердамъ 27 числа.

¹⁾ Здѣсь, повидимому, пропускъ, соотвѣтствующій пути между Дельфтомъ и Гарлемомъ; затѣмъ въ рукописи повторено нѣсколько словъ, уже сказанныхъ выше и потому здѣсь не помѣщенныхъ.

28-го числа его сіятельство далъ намъ пашпорты и письма къ адмиралу Оедору Матвѣевичу ¹⁾ и опредѣлилъ намъ ѣхать до Гамбурга водою, отъ Гамбурга до Данцига на ланкугѣ ²⁾, отъ Данцига до Кенигсберга водою, отъ Кенигсберга до Риги на ландкугѣ, а въ Ригу къ губернатору Никитѣ Ивановичу Репнину далъ намъ письмо, чтобъ его сіятельство отправилъ насъ отъ Риги на подводахъ въ Ревель, или гдѣ обрѣтается адмиралъ; а на проѣздъ отъ Амстердама до Риги приказалъ намъ выдать по 70 ефимковъ; а пашпорты и письма были намъ даны по компаніямъ по 4 и по 3 человѣка въ компаніи. Его же свѣтлость приказалъ намъ выдать кормовыхъ денегъ по 6 гульденовъ на недѣлю, а гульденъ содержитъ 4 гривны, и получили мы оныя деньги марта съ 20-го; и до отъѣзду его жъ сіятельство далъ намъ рекомендацію въ Гамбургъ къ купцу, чтобъ онъ намъ въ наемѣ чинилъ вспомо-

¹⁾ Апраксину.

²⁾ Повозка.

женіе. Мы жъ его сіятельство просили, чтобъ онъ приказалъ намъ выдать на наши нужды оныя по 31 ефимку на персону, которые мы возвратили господину резиденту Бранту, и онъ совѣтовалъ господину резиденту, чтобъ онъ намъ тѣ деньги выдать, понеже, по именному его царскаго величества указу, адмиралъ Ѳедоръ Матвѣевичъ писалъ къ господину Брандту, чтобъ онъ перевелъ намъ въ Гиппанію по 50 ефимковъ на человѣка; и господинъ резидентъ взялъ резолюцію, чтобъ намъ оныя деньги выдать, понеже за нашъ проѣздъ отъ Кадикеса капитану деньги заплачены отъ князя Бориса Ивановича. Ему жъ дали мы сказку въ томъ, что которыя мы деньги заняли было въ Кадиксѣ, по 3 добли на персону, что мы, получа по 19 ефимковъ изъ Брантова векселя, оныя заплатили, и чтобъ по первой губернаторской ассигнаціи оныхъ не платить; а деньги мы кормовыя и подъемныя брали отъ Фонъ-Левена, который бывалъ секретарь Соловьева.

30-го числа господинъ резидентъ выдалъ намъ по 31 ефимку на персону, да въ Кадиксъ по его векселю взяли мы по 19, и того будетъ противъ письма адмиральскаго по 50 ефимковъ на человѣка, кромѣ тѣхъ, что на проѣздъ далъ по 4 ефимка на человѣка; и велѣно намъ, дожидався своего богажу, ѣхать, понеже богажъ нашъ остался на кораблѣ. А князю былъ указъ, чтобъ насъ отправить въ Петербургъ на голландскихъ корабляхъ, а онъ насъ отправилъ другимъ трактомъ, потому что оказіи вскорѣ къ Санктпетербургу моремъ не было, а хотя бъ и были, но опасно, чтобъ Шведы въ Балтикѣ не взяли въ полонъ. Въ бытность нашу въ Амстердамѣ были Андрей Ѳедоровъ сынъ Хрущовъ да Иванъ Талызинъ, Алексѣй Вишняковъ, которые учились зкипажеству и механикѣ, да царскаго величества деньщикъ Иванъ Андреевъ сынъ Толстой для покупки разныхъ птицъ; еще были человѣкъ съ 40 школьниковъ, которые учились всякимъ ремесламъ—мѣд-

ному ¹⁾), столярному и судовымъ строеніямъ а приказаны оные были его величества агенту Фадербургу.

4-го числа апрѣля Василій Татищевъ поѣхалъ по богажъ въ Геншвейсъ, да по приказу князя Бориса Ивановича Фонъ-Левенъ далъ ему шкипора и денегъ на проѣздъ и рекомендацію къ капитану.

8-го числа Василій Татищевъ прибылъ съ богажемъ и денегъ издержалъ себѣ и шкипору на проѣздъ и на провозъ богажа 51 гюльденъ.

12-го числа апрѣля къ вечеру поѣхали мы отъ Амстердама на яхтѣ 14 человекъ, а 7 человекъ нашихъ товарищевъ поѣхали на тѣлкѣ. Дали мы на яхтѣ за провозъ и съ пивомъ, кромѣ пици, по червонному съ персоны. Когда отъѣзжали, заплатили мы въ казну посажтелтъ по шеленгу ²⁾ съ персоны, а провизію для пути имѣли свою.

¹⁾ У Голикова прибавлено: «слесарному».

²⁾ Passage-geld—*пошлина за проходъ*; подъ «шеленгомъ» разумѣется, конечно, извѣстная монета schilling.

18-го числа взошли въ гамбургскую рѣку; на одной сторонѣ Голштинія, а на другой Линебургія. Того жъ числа легли мы на якорь возлѣ линебургскаго городка Штаде и платили по облигѣ по 8 штиверовъ ¹⁾ съ баула.

19-го числа пришли къ Гамбургу и ночевали за городомъ, въ ардинаріи ²⁾, понеже того дня не успѣли въ городъ. Отъ Амстердама до Гамбурга моремъ 60 миль нѣмецкихъ.

20-го числа прибыли въ Гамбургъ и по рекомендаціи были у Говерса, который отправляетъ за консуля государевы дѣла. Гамбургъ — республика, подъ протекціею цесарской.

21-го числа господинъ Питеръ Говерсъ далъ намъ совѣтъ, чтобъ ѣхать чрезъ Берлинъ на почтѣ, понеже ландсцуги не нашли, чтобъ прямо ѣхать въ Данцигъ. Товарищи наши при насъ въ Гамбургъ не пріѣхали. Того жъ 21-го числа поѣхали изъ

¹⁾ Stüver—мелкая монета; платить «по облигѣ», то-есть, по обязанности, въ силу обложенія.

²⁾ Ordinario—почта, почтовый домъ.

Гамбурга на обыкновенной почтѣ—на фурѣ 6 человѣкъ, да на экстраординарной почтѣ—на дву(хъ) фурахъ по 4 человѣка; платили на обыкновенной почтѣ по 6 штиверовъ съ персоны на милю, да на всякой перемѣнѣ почтарю постъ-гелтъ по 12 грошей съ персоны, а перемѣна отъ перемѣны по 3 и по 4 мили нѣмецкихъ; а на экстраординарной почтѣ платили на три лошади по 48 рейхс-талеръ талеръ штиверовъ на милю съ 4 человѣкъ, понеже въ фурѣ сидитъ 4 человѣка, а имѣютъ три лошади; да на всякой перемѣнѣ за телѣгу по 4 штивера; а ѣхали и перемѣняли лошадей обѣ почты вмѣстѣ, и деньги платили вообще. Отъ Гамбурга ихъ владѣнія—7 миль. Берлинъ—столица Прусскаго короля; червонный ходитъ 130 штиверовъ или грошей. Издержали мы денегъ на пищу по червонному да на проѣздъ безъ мала 3 червонныхъ съ персоны; а пути отъ Гамбурга до Берлина 33 мили. Отъ Говерса имѣли мы письма въ Берлинъ къ послу, графу Александрѣ Гавриловичу Головкину. Прибыли мы въ Берлинъ 24-го

*

числа по утру, и осматривали у насъ богажъ.

25-го поѣхали мы изъ Берлина на экстраординарной почтѣ на трехъ фурахъ. Платить до Данцига на 56 миль по ефимку на милю со всякой телѣги, да за телѣги по 4 штивера на всякой перемѣнѣ; всего до Данцига издержали отъ Берлина по 5 червонныхъ, и съ пищею. Господинъ посолъ Головкинъ далъ намъ подорожныя, чтобъ отъ Мемеля до Риги въ Курляндіи брать подводы безъ прогонъ. Владѣніе прусское до Гданска, а 7 миль владѣніе польское, понеже Данцигъ принадлежитъ республикѣ Польской; а дорогой городокъ отъ городка въ Пруссіи по 3 и по 4 мили.

Прибыли во Гданскъ 30-го числа и порядили до Кенигсберга яхту съ персоны по получервонному, безъ пищи. Агентъ государевъ во Гданскѣ—Ертманъ, примьеръ-аудиторъ, и агентъ его величества другой—иноземецъ Куріусъ.

Поѣхали отъ Гданска мая 2-го числа. Ъхали рѣкою 7 миль, заливомъ 17 миль.

Прибыли въ Кенигсбергъ 14-го числа, Королевецъ тожь. Въ Кенигсбергѣ управляетъ государевы интересы консиліеръ королевскаго величества прусскаго, которому прозваніе Неглинъ. Наняли изъ Кенигсберга до Мемеля на 15 миль, дали по получервонному съ персоны, безъ пищи; ѣхали сухимъ путемъ три мили, заливомъ 12 миль.

Прибыли въ Мемель 7-го числа. Мемель—прусская крѣпость; и смотрѣли нашихъ пашпортовъ.

Поѣхали изъ Мемеля 8-го числа и наняли до курляндской почты на 8 миль, дали по рейхсталеру съ персоны.

9-го числа по подорожной взяли на курляндской почтѣ подводы.

Прибыли въ Митаву 11-го числа. Митава—столица курляндская. Въ ней владѣтельница государыня царевна Анна Ивановна; при ней изъ русскихъ генералъ кriegс-коммиссаръ Петръ Михайловичъ Бестужевъ, полкъ драгунскій Каргопольскій. Пути отъ Мемеля 33 мили.

Поѣхали отъ Митавы 12-го числа.

Приѣхали въ Ригу 13-го числа. Разстояніе 7 миль. Въ Ригѣ губернаторъ князь Никита Ивановичъ Репнинъ далъ намъ подорожную, чтобъ намъ до Санктпетербурга давали по подставамъ почтовыхъ по подводѣ на человѣка, съ прогонами, а на прогоны намъ денегъ не далъ.

Выѣхали мы изъ Риги 15-го числа.

Прибыли въ Дерптъ 17-го числа.

18-го изъ Дерпта въ Нарву.

Въ Нарву прибыли 19-го числа.

Изъ Нарвы поѣхали 20-го числа. *м*

Прибыли въ Санктпетербургъ 22-го числа.

Разстояніе отъ Риги ¹⁾ 202 версты, отъ Дерпта до Нарвы 141, отъ Нарвы 165, всего 510 верстъ ²⁾. Во весь вышеписанный вояжъ издержалъ я собственныхъ 400 рублей, да государевыхъ 600 рублей. Каждый изъ насъ, по приѣздѣ въ Петербургъ, пристали у нашихъ родственниковъ,

¹⁾ Безъ сомнѣнія, до Дерпта.

²⁾ Счетъ не вѣренъ; должно быть: 508 верстъ.

а я у капитана гвардіи Семена Марковича Спицына ¹⁾).

На завтра, собравшись вся наша компанія ко мнѣ на квартиру, пошли явиться генералу-адмиралу, а потомъ ко всѣмъ флагманамъ, находящимся въ Петербургѣ, и ко всѣмъ присутствующимъ въ адмиралтейской коллегіи. Всѣ насъ приняли весьма ласково, особливо Григорій Петровичъ Чернышевъ, который о вояжѣ и службѣ нашей внѣ государства подробно и милостиво рѣспрашивалъ и обнадежилъ насъ своимъ предстательствомъ у его величества, подавъ намъ, какъ отецъ, совѣтъ, чтобы просили генерала-адмирала быть представленны къ государю, и когда его величество изъ насъ съ кѣмъ говорить изволить, то чтобъ мы по истинѣ и безъ робости сказали, кто что знаетъ, и сколько

¹⁾ У Голикова (Дѣянія, т. XXIX, стр. 322—326) упоминается объ этомъ капитанѣ Преображенскаго полка Спицынѣ, который былъ «у государя, а паче у ея величества, въ великой милости».

кто преуспѣлъ въ наукахъ¹⁾. За таковую его милость мы всѣ, какъ не имущіе никакого покровительства, а по нашему отлученію отъ отечества не токмо отъ равныхъ намъ возненавидѣны, но и отъ свойственниковъ нашихъ при первомъ случаѣ насмѣшкою и ругательствомъ по европейскому обычаю, въ насъ примѣченному, осмѣянные, благодарили Григорія Петровича со слезами. Флагманъ Зміевичъ, человекъ въ морской наукѣ весьма искусный, любопытствовалъ²⁾ у каждаго изъ насъ о нашемъ въ навигаціи знаніи и, сколько примѣтить можно, Кайсарова³⁾ и моими отвѣтами былъ доволенъ.

На завтра пошли мы въ адмиралтей-

¹⁾ У Голикова: «Всѣ приняли насъ съ отеческою ласкою; а Григорій Петровичъ Чернышевъ спрашивалъ подробно о вояжѣ и о службѣ нашей, а паче, что каждый выучилъ; далъ намъ милостивое наставленіе, чтобъ мы, когда будемъ представлены государю, говорили безъ робости и правду, кто въ чемъ успѣлъ».

²⁾ У Голикова: «распрашивалъ».

³⁾ Тамъ же: «Куварина».

скую коллегію и ожидали прибытія генераль-адмирала, который, пріѣхавъ и насъ увидя, сказалъ, что онъ объ насъ доложить, и когда приказано будетъ, чтобы явились въ коллегію, а нынѣ бѣ шли по домамъ¹⁾).

26-го числа была асамблея на почтовомъ дворѣ, на которой генераль-адмиралъ государю объ насъ докладывалъ, и отъ него получили повелѣніе, чтобъ намъ быть представленнымъ завтра въ адмиралтейской коллегіи, почему мы и получили отъ коллегіи приказъ явиться въ 5 часовъ въ коллегію. Не знаю, какъ мои товарищи оное приняли, а я всю ночь не спалъ, готовился какъ на страшный судъ.

И по сему приказу собрались мы въ назначенное время въ коллегію, а между тѣмъ присутствующіе съѣзжались²⁾, изъ коихъ генераль-адмиралъ, идучи мимо,

¹⁾ Тамъ же: «домой и ожидали повелѣнія».

²⁾ У Голикова: «На другой день въ 5 часовъ утра мы пришли, и при насъ съѣзжались присутствующіе».

сказалъ намъ: «Я васъ теперь государю представлю». А черезъ малое время потомъ пріѣхалъ Григорій Петровичъ Чернышевъ и, остановясь съ нами, говорилъ то же, что и въ своемъ домѣ, и ласковымъ и милостивымъ симъ разговоромъ убавилъ нашего страха. Наконецъ и его величество прибыть изволилъ, но не тѣмъ путемъ, которымъ мы его ожидали; потому мы и не имѣли счастья путь его видѣть ¹⁾. Въ 7 часовъ выпустили насъ въ присутственную палату. Мы его величеству поклонились въ ноги, а прочимъ въ поясъ. Онъ, будучи или немощенъ, или невеселъ, чего я не знаю, изволилъ спросить насъ только, имѣемъ ли мы отъ командировъ тамошнихъ атестаты, и всѣ ль на галерахъ, или иные и на корабляхъ служили. Получивъ на сіе отвѣтъ, оборотясь къ генералъ-адмиралу, изволилъ сказать слѣдующее: «Я

¹⁾ Тамъ же: «Вмѣстѣ почти съ ними прибыть изволилъ и его величество, но не тѣмъ путемъ прошелъ въ коллегію, на которомъ мы его ожидали, почему и не имѣли счастья видѣть очей его».

хочу ихъ самъ увидѣть на практикѣ, а нынѣ напишите ихъ во флотъ гардемаринами». Не успѣвъ послѣдней рѣчи государь еще окончить, какъ великодушный покровитель всѣхъ бѣдныхъ, Григорій Петровичъ, очень громко сказалъ его величеству: «Грѣхъ тебѣ, государь, будетъ: люди по волѣ твоей бывши отлученные отъ своихъ родственниковъ ¹⁾ въ чужихъ краяхъ, и по бѣдности ихъ сносили голодъ и холодъ ²⁾ и учились по возможности, желая, угодить тебѣ и по достоинству своему и въ чужомъ государствѣ были уже гардемаринами, а нынѣ ³⁾, возвратясь по твоей же волѣ и надѣясь за службу и науку получить награжденіе, отсылаются ни съ чѣмъ и будутъ наравнѣ съ тѣми, которые ни нужды такой не видали, ни практики такой не имѣли»⁴⁾). Его величество на сіе

¹⁾ У Голикова: «и отъ отечества».

²⁾ Тамъ же: «всякія нужды».

³⁾ Тамъ же: «потомъ объѣхавъ многія государства».

⁴⁾ У Голикова: «дѣла ни столько не знаютъ».

изволилъ ему отвѣтствовать: «Я ихъ награжу; пусть только одну кампанію прослужать!» «Но легко ль, государь, гардемаринами служить», сказалъ Григорій Петровичъ, «такимъ, кои изъ нихъ есть достойны управлять кораблемъ или галерою?» Государь спросилъ его: «Кто жъ бы такіе были, кто бъ такъ достоинъ?» Онъ ни мало не мѣшкавъ: «Кайсаровъ¹⁾ и Неплюевъ». Сіи слова наполнили меня благодарностію, радостію и страхомъ, и такъ меня замѣшало, что я уже послѣ примѣтилъ, что государь, желая, чтобъ насъ двоихъ ему указали, и обоихъ изволилъ пристально осматривать и потомъ, помолчавъ немного, изволилъ приказать записать свой указъ, чтобъ въ коллегіи было въ будущемъ мѣсяцѣ²⁾ полное собраніе,

¹⁾ Въ рукописи не вѣрно: «Куракинъ». У Голикова: «Кукаринъ». Иванъ Ивановичъ Кайсаровъ служилъ во флотѣ до 1753 г. (Общій морской списокъ, ч. I, стр. 166).

²⁾ У Голикова: «въ первой половинѣ будущаго мѣсяца».

при которомъ насъ всѣхъ какъ въ навигаціи, такъ и въ прочихъ наукахъ и языкахъ экзаменовать, при чемъ онъ и самъ быть желаетъ ¹⁾; а потомъ насъ вонъ выслали. Мое попеченіе было первое—бѣжать въ домъ Григорія Петровича Чернышева и благодарить его за оказанную мнѣ милость, что я и исполнилъ; а сія милость тѣмъ больше ко мнѣ оказана, что я никакого свойства, ни знакомства съ нимъ не имѣю, и никакого такого у меня не было, кто бъ ему за меня слово замолвить. Все сіе значитъ великодушное его сердце и человеколюбивую его душу. А съ нами разговаривалъ онъ какъ съ равными, не допуская насъ и поклониться себѣ. Сіе значитъ его смиренномудріе, и что онъ, въ великомъ чинѣ будучи, тѣмъ не гордится, а употребляетъ оный въ пользу и къ показанію милостей къ безпомощнымъ. Пишучи сіе, я мѣшаю благодарныя мои

¹⁾ Тамъ же прибавлено: «Это дѣло иное», сказавъ на сіе великодушный Григорій Петровичъ».

слезы къ нему съ чернилами, да благословить его и весь домъ его Господь Богъ изобильными своими щедротами. Во ожиданіи означеннаго экзамена упражненіе мое было въ приуготовленіи себя къ оному.

30-го іюня присланъ къ намъ отъ коллегіи приказъ явиться 1-го іюня на экзамень. Мы, собравшись у коллегіи, дожидались повелѣнія. Въ 8 часовъ государь пріѣхалъ въ одноколектъ и, мимо идучи, сказалъ намъ: «Здорово, ребята». Потомъ, чрезъ нѣкоторое время впустили насъ въ асамблею, и генераль-адмиралъ приказалъ Зміевичу напередъ разспрашивать порознь, что кто знаетъ о навигаціи. Потомъ, какъ дошла и моя очередь (а я былъ, по условію между нами, изъ послѣднихъ), то государь изволилъ подойти ко мнѣ и, давъ Зміевичу дѣлать задачи, спросилъ: «Всему ли ты научился, для чего былъ посланъ?» На что я отвѣтствовалъ: «Всемилостивѣйшій государь, прилежалъ я по всей моей возможности, но не могу похвалиться, что всему научился, а болѣе по-

читаю себя предъ вами рабомъ недостойнымъ и того ради прошу, какъ предъ Богомъ, вашей ко мнѣ щедроты». При сказываніи сихъ словъ я сталъ на колѣни, а государь, оборотивъ руку праву ладонью, далъ поцѣловать и при томъ изволилъ молвить¹⁾: «Видишь, братецъ, я и царь, да у меня на рукахъ мозоли; а все отъ того: показать вамъ примѣръ и хотя бъ подъ старость видѣть мнѣ достойныхъ помощниковъ и слугъ отечеству». Я, стоя на колѣняхъ, взялъ самъ его руку и цѣловалъ оную многократно²⁾, а онъ мнѣ сказалъ: «Встань, братецъ, и дай отвѣтъ, о чемъ тебя спросятъ; но не робѣй; буде что знаешь, сказывай, а чего не знаешь, такъ и скажи». И оборотясь къ Зміевичу, приказалъ разспросить меня; а какъ я давалъ отвѣты, то онъ изволилъ сказать Зміевичу:

¹⁾ У Голикова прибавлено: «Трудиться надобно».

²⁾ Тамъ же: «осмѣлился взять самъ его царскую ручку и, многократно цѣлуя оную, пролилъ радостныя слезы».

«Разспрашивай о высшихъ знаніяхъ» ¹⁾. И по окончаніи у всѣхъ разспросовъ, тутъ же пожаловалъ меня въ поручики въ морскіе галернаго флота и другого—Кайсарова ²⁾, а и другихъ также пожаловалъ, но ниже чинами ³⁾. Черезъ малое потомъ время указалъ государь опредѣлить меня, Неплюева, смотрителемъ и командиромъ надъ строящимися ⁴⁾ морскими судами, по каковому случаю видѣлъ я государя почти ежедневно ⁵⁾, и всякій разъ ⁶⁾ благоволилъ

¹⁾ У Голикова: «И какъ разспросы сіи касались до навигаціи и отвѣтами моими былъ онъ доволенъ, то государь велѣлъ ему экзаменовать меня въ математикѣ, далеко ль я успѣлъ въ оной. Милостивое одобреніе, какое видѣлъ я въ очахъ монарха, сдѣлало меня неробкимъ; я рѣшилъ предлагаемыя мнѣ задачи довольно удачно».

²⁾ Въ рукописи «Куракина»; у Голикова «Кукарина».

³⁾ У Голикова: «а всѣхъ другихъ мичманами».

⁴⁾ У Голикова: «галерами и другими».

⁵⁾ Тамъ же добавлено: «когда онъ не былъ въ отлучкѣ».

⁶⁾ Тамъ же: «всякій приѣздъ свой на работы».

со мною разговаривать о всякихъ вещахъ и случаяхъ ¹⁾). Иоть флагмановъ—Григорья Петровича Чернышева, къ которому я во всякое свободное время хаживалъ, и отъ Зміевича слыхалъ, что: «Государь де тобою, господинъ поручикъ, является доволенъ и изволить говорить, что въ этомъ маломъ путь будетъ». Они же мнѣ подавали совѣты, чтобъ я прилежалъ къ своему дѣлу и быть бы исправенъ: «То де его величество тебя не оставитъ; только будь проворенъ и говори правду и ничего не солги, хотя бы что и худо было; онъ де больше разсердится, буде что солжешь». Ихъ слова и въ правду явились. Однажды я пришелъ на работу, а государь уже прежде пріѣхалъ. Я испужался презѣльно и хотѣлъ бѣжать домой больнымъ сказаться, но, вспомянувъ тотъ отеческій моего благодѣтеля совѣтъ, бѣжать раздумалъ, а пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ государь нахо-

¹⁾ Тамъ же: «о разныхъ матеріяхъ, паче же касательно до должности и званія моего».

дился; онъ, увидѣвъ меня, сказалъ: «Я уже, мой другъ, здѣсь!» А я ему отвѣчалъ: «Виновать, государь, вчера былъ въ гостяхъ и долго засидѣлся ¹⁾ и оттого опоздалъ». Онъ, взявъ меня за плечо, пожалъ, а я вздрогнулся, думалъ, что прогнѣвался: «Спасибо, мальи, что говоришь правду: Богъ простить! Кто бабѣ не внукъ! ²⁾ А теперь поѣдемъ со мной на родину» ³⁾. Я поклонился и сталъ за его одноколку. Приѣхали мы къ плотнику ⁴⁾ моей команды и вошли въ избу. Государь пожаловалъ родильницѣ 5 гривенъ и съ нею поцѣловался; а я стоялъ у дверей; онъ мнѣ приказалъ то же сдѣлать, а я далъ гривну. Государь спросилъ бабу-родильницу: «Что далъ поручикъ?» Она гривну показала, и

¹⁾ У Голикова: «и долго меня позадержали».

²⁾ Тамъ же: «Кто Богу не грѣшенъ, кто бабѣ не внукъ».

³⁾ Тамъ же: «По окончаніи работы государь сказалъ мнѣ: «Ты вчера былъ въ гостяхъ; а меня сегодня звали на родину; поѣдемъ со мною».

⁴⁾ Въ рукописи ошибочно: «полковнику», у Голикова «плотнику».

онъ засмѣялся и сказалъ: «Эй, братъ, я вижу, ты даришь не позаморски». «Не чѣмъ мнѣ, царь государь, дарить много; дворянинъ я бѣдный, имѣю жену и дѣтей, и когда бы не ваше царское жалованье, то бы, здѣсь живучи, и ѣсть было нечего». Государь спросилъ, что за мною душъ, и гдѣ испомѣщенъ? Я все рассказалъ справедливо и безъ утайки. А потомъ хозяинъ поднесъ на деревянной тарелкѣ въ рюмкѣ горячаго вина; онъ изволилъ выкупать и заѣлъ пирогомъ съ морковью ¹⁾. А потомъ и мнѣ поднесъ хозяинъ; но я отъ роду не пивалъ горячаго, не хотѣлъ пить. Государь изволилъ сказать: «Откушай, сколько можешь; не обижай хозяина». Что я и сдѣлалъ. И изъ своихъ [рукъ] пожаловалъ мнѣ, отлома кусокъ пирога, и сказалъ: «Заѣшь! Это родимая, а не италіянская пища». Потомъ изволилъ поѣхать, а я домой пошелъ обѣдать.

Былъ я также, по указу государеву, для

¹⁾ У Голикова добавлено: «лежавшемъ на столѣ».

переводу у чужестранныхъ министровъ, когда ихъ трактовали на новоспущенномъ кораблѣ, и когда государь изволилъ съѣзжать съ онаго, то пожаловалъ, мимо идучи, мнѣ поцѣловать руку.

1721 года, генваря въ первыхъ числахъ, былъ трапезный для всѣхъ бояръ и для морскихъ и гвардіи офицеровъ, почему и я тутъ былъ ¹⁾. Мы, отобѣдавъ прежде, изъ-за столовъ встали, и я и со мною нѣсколько человѣкъ вошли въ ту камору, гдѣ государь сидѣлъ еще за столомъ; государь былъ очень веселъ и по маломъ времени изволилъ начать разговоръ, что ему потребенъ человѣкъ съ италіянскимъ языкомъ—послать въ Царьградъ резидентомъ <Александръ Гавриловичъ ²⁾ отвѣчалъ, что онъ такого не знаетъ, а Ѳедоръ Матвѣе-

¹⁾ У Голикова дополнено: «Государь съ боярами сидѣлъ за однимъ столомъ, а офицеры въ другой комнатѣ за другимъ».

²⁾ У Голикова: «господинъ Головкинъ»; это былъ второй сынъ государственнаго канцлера графа Гаврилы Ивановича, умершій въ 1760 году.

вичъ говорилъ, что онъ такого знаетъ и очень достойнаго, но то бѣда, что очень бѣденъ. Государь отвѣчалъ, что бѣдность не бѣда. «Этому помочь можно скоро, но кто тотъ такой?» Ѳеодоръ Матвѣвичъ сказалъ: «Вотъ онъ за тобою стоитъ». «Да ихъ стоитъ за мною много», сказалъ государь. Ѳеодоръ Матвѣвичъ отвѣчалъ: «Твой хвалённый, что у галернаго строенія». Онъ оборотился и, глядѣвъ на меня, изволилъ сказать: «Это правда, Ѳеодоръ Матвѣвичъ, что онъ добръ, но мнѣ хотѣлось его у себя имѣть». Я поклонился государю; а онъ, подумавъ, изволилъ приказать, чтобъ меня во оную посылку назначить; и при семъ изъ-за стола встали, а меня адмиралъ поздравилъ резидентомъ и, взявъ за руку, повелъ благодарить къ государю. Я упалъ ему, государю, въ ноги и, схватя оныя, цѣловалъ и плакалъ ¹⁾). Онъ изволилъ самъ меня поднять и, взявъ за руку, говорилъ:

• ¹⁾ У Голикова: «я упалъ къ ногамъ его величества и, схватя оныя, цѣловалъ, проливая слезы, называя его отцомъ».

«Не кланяйся, братецъ! Я вашъ отъ Бога приставникъ, и должность моя—смотрѣть того, чтобы недостойному не дать, а у достойнаго не отнять; буде хорошъ будешь, не мнѣ, а болѣе себѣ и отечеству добро сдѣлаешь; а буде худо, такъ я—истецъ; ибо Богъ того отъ меня за всѣхъ васъ востребуетъ, чтобъ злomu и глупому не дать мѣста вредъ дѣлать; служи вѣрою и правдою! Въ началѣ Богъ, а при немъ и я долженъ буду не оставить». Сіе говоря, оборотаясь, изволилъ молвить: «Кого жъ я возьму на его мѣсто?» И съ тѣмъ словомъ опустилъ свою руку, а я при семъ цѣловалъ оную; и изволилъ отъ меня отдалиться. Благотворитель мой Григорій Петровичъ меня обнялъ и цѣловалъ отъ радости ¹⁾; а я не могъ ему промолвить ни слова.

25-го января изъ коллегіи иностранной ²⁾

¹⁾ У Голикова: «обнялъ меня и съ искренностью сердца поцѣловалъ, поздравилъ съ новою моею должностью».

²⁾ У Голикова добавлено: «въ адмиралтейскую при сообщеніи».

присланъ именной указъ, дабы меня изъ адмиралтейской коллегіи прислать во оную для посылки резидентомъ ко двору султана Турскаго въ Константинополь.

26-го генваря въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ учиненъ мнѣ, Неплюеву, окладъ резидентскій на годъ по три тысячи рублей; на подъемъ пожаловалъ государь тысячу рублей, а тѣ деньги велѣно принять въ Москвѣ, а инструкція дана изъ оной же коллегіи февраля 26-го числа, котораго дня я имѣлъ отпускную аудіенцію, при коемъ случаѣ его величество изволилъ поступать со мною съ отмѣнною милостію, обнадеживалъ своею государскою милостію и, прощаясь со мною, поцѣловалъ меня въ лобъ и изволилъ сказать послѣднее таковое слово: «Прости, братецъ, кому Богъ велить видѣться!» О разговорахъ, при томъ бывшихъ, не описую, потому что запомнилъ, съ единой стороны отъ того, что я обрадованъ былъ таковымъ милостивымъ мѣстомъ и отпускомъ; съ другой стороны, я совершенно былъ внѣ себя отъ печали и отъ слезъ,

съ нимъ, государемъ, прощаясь ¹⁾). Потомъ былъ я для прощанія у господъ министровъ, которые меня всѣмъ обнадѣживали своею помощію, а я просилъ ихъ о неоставленіи меня, потому что я сихъ министерскихъ дѣлъ не управлялъ ²⁾). Былъ я также у всѣхъ нашихъ морскихъ командировъ, кои меня также весьма ласково отпустили. Господина Зміевича просилъ я о неоставленіи въ случаяхъ нужныхъ жены моей и деревнюшекъ. Пришедъ къ генераль-адмиралу прощаться, донесъ ему, что я отъѣзжаю и просилъ его о неоставленіи меня по заочности; онъ мнѣ на сіе только сказалъ: «Дуракъ!» Я, поклонясь его сіятельству, докладывалъ, что не знаю, чѣмъ его прогнѣвалъ, а онъ мнѣ на то отвѣчалъ то же слово: «Дуракъ!» На что я уже и не

¹⁾ У Голикова: «Разговоръ и отеческихъ наставленій его величества не могу припомнить, потому что находился тогда отъ печали, прощаясь съ государемъ, внѣ себя и какъ бы помѣшаннымъ».

²⁾ Тамъ же: «яко безопытнаго въ дѣлахъ министерскихъ».

посмѣлъ ничего говорить, а онъ, помолчавъ, сказалъ: «Съ чѣмъ ты жену да дѣтей оставляешь? Вѣдь имъ только что по міру ходить; для чего ты не просилъ государя, чтобъ давать въ твоё отсутствіе¹⁾ по окладу твоего чина имъ отъ насъ жалованья?» Я ему на то докладывалъ, что того не посмѣлъ да и не думалъ; а онъ, выслушавъ сіе, закричалъ на меня: «Потому-то ты и дуракъ! Да добро, помиримся и простимся съ тобою! Коли будешь хорошо служить, такъ государь тебя не оставитъ и наградитъ; онъ и вчера со мною говорилъ; прикажи же женѣ своей, что ежели ей въ чемъ нужда будетъ, то бѣ ко мнѣ за всѣмъ присылала, сколько ей будетъ надобно; я и деньгами ссужать буду». Я доложилъ на сіе его сіятельству, что я жену намѣренъ отправить въ деревню, ибо здѣсь себя содержать не можно. «Ну, такъ вели ей ко мнѣ писать, сказалъ на то генераль-адмиралъ; я всякую ей помощь сдѣлаю»²⁾.

¹⁾ У Голикова добавлено: «по крайней мѣрѣ»

²⁾ У Голикова: «...прикажи же женѣ-то твоей

Простясь я съ нимъ, для того жъ пошелъ къ Григорью Петровичу Чернышеву; сей добродѣтельный мужъ прощался со мною, какъ съ кровнымъ, и далъ мнѣ еще отеческое наставленіе, чтобъ я служилъ и отправлялъ дѣло мое съ подлежащею вѣрностію ¹⁾: «А прежде де отъѣзда твоего сходи къ Остерману и съ нимъ ознакомься: онъ по ²⁾ вашимъ дѣламъ у государя въ отѣмности; а я де за тебя его уже просилъ, чтобъ онъ тебя любилъ и чтобъ далъ тебѣ наставленіе, какъ тебѣ поступать». А сверхъ того и такое сдѣлалъ мнѣ благодѣяніе: изъ деревень его замосковныхъ Ерополець ³⁾ былъ отданъ въ рекруты во флотъ

что буде ей въ чемъ нужда будетъ, за всѣмъ ко мнѣ присылать; я ея не оставлю». «Я, государь, намѣренъ ее отправить въ деревнишку свою, ибо здѣсь содержать ей себя не можно». «Фу, какая бѣда! Инъ вели ей ко мнѣ писать, это все равно», заключилъ графъ».

¹⁾ У Голицева добавлено: «и усердіемъ».

²⁾ Тамъ же: «министерскимъ».

³⁾ Ерополець, Ярополчь или Казанское, большое

одинъ крестьянинъ, именемъ Аеанасій, который по той причинѣ жилъ въ домѣ Григорья Петровича и всему былъ обученъ и весьма проворенъ; того онъ далъ мнѣ вмѣсто деньщика, а моего деньщика взялъ на то мѣсто, увѣривъ меня, что я на сего человѣка могу во всемъ положиться. Простясь я съ моимъ благодѣтелемъ, былъ у Остермана, который меня принялъ также весьма ласково и далъ мнѣ на многіе случаи поученія, о чемъ я прежде по истинѣ и не думалъ.

Изъ Санктпетербурга выѣхалъ я, и при мнѣ сынъ мой Адріанъ, бывшій тогда по 9-му году, марта 9-го числа 1721 году, и заѣхалъ въ деревню мою въ селцо Поддубье и, тутъ 2 дни пробывъ, оставивъ жену мою и сына моего Ивана и дочь Марью, самъ отправился въ путь, оставя жену мою беременну, которая и родила дочь Марѳу, коя умерла вскорѣ. Приѣхавъ

село Московской губерніи, по дорогѣ въ Зубцовъ, въ 115 в. отъ Москвы, на р. Ламѣ.

*

въ Москву, получилъ я пожалованныя деньги и закупилъ потребное; и тутъ я увидѣлъ, какимъ проворнымъ и усерднымъ человѣкомъ наградилъ меня Григорій Петровичъ.

1721 года сентября 8-го числа прибылъ я въ Царьградъ и октября 17-го числа имѣлъ купно съ прежнимъ посланникомъ Даниловымъ аудіенцію у султана Турецкаго Ахмета, на коей о себѣ подалъ вѣрующую грамоту, и прежде были на аудіенціи у визиря его Ибрагима.

Того жъ году октября 22-го числа его царское величество Петръ Первый самодержецъ Всероссійскій изволилъ воспріять императорскій титулъ, и съ того времени начали писать во всѣхъ письмахъ императоромъ.

1722 года октября 31-го дня отправилъ я сына моего Адріана и при немъ дядею вышеписаннаго Аванасья еропольскаго чрезъ Мальту и Францію въ Голландію для науки, а въ Голландію рекомендовалъ его послу князю Куракину.

Того же года его императорское величество Петръ Первый изволилъ ходить съ войсками въ Персію противъ персидскихъ бутонщиковъ лезвовъ за учиненныя отъ нихъ убійства и убытки російскимъ купцамъ въ Шамахъ; тѣмъ походомъ взять городъ Дербентъ.

Въ началѣ 1723 году прислана ко мнѣ отъ его императорскаго величества полная мочь трактовать съ Портою о персидскихъ дѣлахъ подъ медиациею французскаго посла марки де-Бонака по причинѣ начатой его величествомъ войны въ Персіи, по случаю которой посланъ отъ Порты ко двору російскому посланникъ Капиджи-Папаникли-Мехметъ-Ага.

Того жъ года мѣсяца іюля умеръ сынъ мой, Иванъ, 7 лѣтъ отъ роду.

Въ семь же году взять персидскій городъ Баку.

Сентября 12-го числа того жъ году его величество заключилъ трактатъ съ Персидскимъ шахомъ Тахмасебомъ. Вслѣдствіе вышеписаннаго полномочія происходили съ

турецкими министрами рейсъ - ефендіемъ Мегметомъ да Хаджи-Мустафою-ефендіемъ многія конференціи, и наконецъ 1724 году іюня 27-го дня заключилъ я, Неплюевъ, подъ медіаціею того посла марки де-Бонака, о персидскихъ дѣлахъ трактатъ, а тѣми размѣнялся съ самимъ визиремъ Ибрагимъ-Пашею, при чемъ визирь подарилъ мнѣ шубу соболью да лошадь съ уборомъ.

Съ онымъ трактатомъ послалъ я ко двору переводчика Мальцева, которому, по прибытіи въ Петербургъ, велѣлъ я оному и мою реляцію подать въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, а съ нимъ отправилъ письмо къ моему благодѣтелю Григорью Петровичу Чернышеву, также и къ Андрею Ивановичу Остерману, слѣдующаго содержанія:

«Милостивый ко мнѣ государь Григорій Петровичъ! Ваше превосходительство первая причина моего благополучія, и я, по милостивому вашему представительству, пожалованъ чиномъ и награжденъ мѣстомъ сверхъ моего достоинства; нынѣ же нахо-

жусь, что, отпуская сего курьера, и во ожиданіи—какъ мои дѣла приняты будутъ, въ безмѣрномъ страхѣ, и если оныя, къ несчастію моему, не угодны окажутся его императорскому величеству, то по истинѣ я жить болѣе не желаю, но вамъ до послѣдней минуты жизни съ совершеннымъ благодарнымъ высокопочитаніемъ пребуду».

«Милостивый государь Андрей Ивановичъ! При отъѣздѣ моемъ милостиво меня обнадежить изволили не оставлять меня вашей протекціею, а какъ нынѣ, при полученіи сего курьера, вамъ, милостивый государь, къ тому есть пространный случай, то о показаніи вашей ко мнѣ милости и прошу покорно. Ей, ей, Богомъ свидѣтельствуюсь, что весь смыслъ мой употребилъ сдѣлать его императорскому величеству угодное; но какъ принято будетъ и могли я предусмотрѣть всѣ виды пользы, того не знаю, и сіе меня мучить смертельно, и доколѣ не возымѣю на оное отвѣта, въ страданіи останусь; и потому васъ, милостивый государь, покорно прошу оказать

ко мнѣ и ту милость—увѣдомить меня, не умедля, ибо коллежское отправленіе такъ быть не можетъ; а я за все то инымъ ничѣмъ воздать не имѣю, какъ славить вашу милость и до послѣдняго издыханія пребыть со искреннѣйшею благодарностію и высокопочитаніемъ».

Августа 25-го числа получилъ я отъ Андрея Ивановича Остермана письмо слѣдующаго содержанія:

«Милостивый государь мой Иванъ Ивановичъ! Не имѣлъ я желаннаго случая оказать вамъ мои услуги по причинѣ присланной піесы вашей съ господиномъ Мальцевымъ, потому что пакетъ вашъ и письма всѣ партикулярныя распечатаны въ коллегіи того жъ дня въ присутствіи императора; я только предварительно васъ могу увѣдомить и поздравить, что его императорское величество не токмо въ томъ поступокъ вашъ апробовать, но и наградить васъ чиномъ, деревнями и для фамиліи вашей жалованьемъ соизволилъ. Позвольте жъ мнѣ васъ со всѣмъ тѣмъ поздравить, а се-

бѣ испросить у васъ время по оказательству услугами моими самымъ дѣйствіемъ того почтенія, съ коимъ я есмь и пребуду навсегда при должномъ почтеніи».

Сіе письмо получилъ я, будучи на асамблеи у цесарскаго министра, и съ сего часа начало проходить мое уныніе, въ которомъ я былъ съ самаго дня заключенія трактата.

Августа 29-го числа получилъ я указъ, что его императорское величество, выслушавъ присланныя письма съ Мальцовымъ, апробовать мой поступокъ въ томъ изволилъ и меня пожаловалъ: 1-е) капитаномъ морскимъ 1-го ранга; 2-е) деревнями въ Устюжно-Желѣзопольскомъ уѣздѣ 400 душъ; 3-е) женѣ и дѣтямъ моимъ производить отъ адмиралтейской коллегіи жалованье полное по морскому моему чину; 4-е) сыну моему Адріану, находящемуся въ Голландіи, жалованья по 300 рублей на годъ съ повелѣніемъ обучаться ему математическимъ и прочимъ наукамъ. Съ ратификацію на оной трактатъ къ Портѣ присланъ гене-

раль-маіоръ Александръ Ивановичъ Румянцовъ.

1725 году въ февралѣ мѣсяцѣ получилъ я плачевное извѣстіе, что отецъ отечества, Петръ, императоръ І-й, отъиде сего свѣта. Я омочилъ ту бумагу слезами, какъ по должности о моемъ государѣ ¹⁾, такъ и по многимъ его ко мнѣ милостямъ, и ей-ей, не лгу, былъ болѣе сутокъ въ безпамятствѣ; да иначе бы и мнѣ и грѣшно было: (сей монархъ отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими ²⁾; научилъ узнавать, что и мы люди ³⁾); однимъ словомъ, на что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣеть, и что бы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ; а мнѣ собственно, сверхъ выпеписаннаго, былъ государъ и отецъ милосердый. Да вчинить

¹⁾ У Голикова добавлено: «и подданныхъ своихъ истинномъ отцѣ».

²⁾ Тамъ же: «съ лучшими державами».

³⁾ Тамъ же: «научилъ узнавать насъ свои дарованія и способности».

Господь душу его, многотрудившагося о пользѣ общей, съ праведными!

1727 году ея императорское величество государыня императрица Екатерина Алексѣевна изволила жену мою повелѣть, по прошенію моему, отпустить въ Царьградъ и на дорогу пожаловала 500 руб. и въ провожатые съ нею повелѣла отпустить съ жалованьемъ флота лейтенанта Василья Ивановича Татищева, ея двоюроднаго брата, да прапорщика Наковальнина, и подводы до Кіева съ казенными прогонами; а того жь году августа 15-го дня прибыла въ Царьградъ.

1728 году іюля 17-го числа его императорское величество Петръ II-й пожаловалъ меня, Неплюева, въ галерной флотъ капитаномъ-командоромъ.

1730 году генваря 19-го числа, въ 3 часу по полудни, родилась въ Царьградѣ дочь моя Анна, которая въ замужствѣ коммерцъ-коллегіи за вице-президентомъ Лунинымъ.

Того жь году декабря 2-го числа ея ве-

*

личество государыня императрица Анна Ивановна пожаловала меня, Неплюева, въ галерный флотъ шоубенахтомъ.

1731 году мая 12-го числа, въ 8 часу по полудни, въ Царьградѣ, родился сынъ Николай, который нынѣ находится въ кадетскомъ корпусѣ сержантомъ (А сіе о немъ и о дочери моей приписано 1750 году).

1732 году отъ пріѣхавшаго изъ Аеонскихъ горъ архимандрита былъ я зараженъ повѣтріемъ, почему, жалѣя жену мою и дѣтей, также и служителей, въ предмѣстіи у Царьграда, именуемомъ Буюкдере, заперся во особую комнату и получалъ пропитаніе въ окно, никого къ себѣ не допуская; жена моя ежечасно у дверей о томъ со слезами просила меня; но, при помощи Божіей, приниманіемъ хины съ водою, которая поносъ производила, отъ той яввы хотя и исцѣлился, но съ самаго того времени чувствую частые и тяжкіе припадки; а по вышеписанному обстоятельству, опасаясь быть причиною напрасной смерти жены моей и дѣтей, вознамѣрился я ихъ

возвратить въ отечество, почему противъ воли жены моей дѣтей моихъ, Анну и Николая, изъ Царяграда марта 11 дня отъправилъ съ чрезвычайнымъ посланникомъ, княземъ Иваномъ Андреевичемъ Щербатовымъ, къ Оттоманской Портѣ пріѣзжавшимъ ¹⁾).

1734 году нашелся я столь отягченъ болѣзнію и отъ того пришелъ въ такую слабость, что медики отказались отъ пользованія, и по сей причинѣ принужденъ я былъ отъ правленія дѣлъ отказаться и на свое

¹⁾ Князь Иванъ Андреевичъ Щербатовъ, извѣстный русскій дипломатъ первой половины XVIII в., род. въ 1696 г., съ 1719 г. учился въ Лондонѣ и въ 1723 г. былъ отъправленъ въ Испанію, чтобъ завязать торговыя сношенія съ тамошними купцами, въ 1726 г. въ ту же страну былъ назначенъ посланникомъ; затѣмъ, какъ говоритъ Неплюевъ, пріѣзжалъ чрезвычайнымъ посланникомъ въ Царьградъ, потомъ былъ президентомъ юстицъ-коллегіи и наконецъ посланникомъ въ Лондонѣ; ум. въ 1761 г. Онъ, въ 1720 г., перевелъ сочиненіе Джона Ло «Деньги и купечество», а въ 1724 г. написалъ «Вѣдѣніе о торговлѣ россійской».

мѣсто именемъ ея величества аккредитовать надворнаго совѣтника Алексѣя Вешнякова, что учинено 30-го декабря того жъ году, а ко двору о всемъ вышеписанномъ представилъ; почему и присланъ указъ: быть на моемъ мѣстѣ помянутому Вешнякову, а мнѣ ѣхать въ Россію.

Въ 1735 году прибылъ я въ С.-Петербургъ и пожалованъ тайнымъ совѣтникомъ, съ тѣмъ, чтобъ присутствовать мнѣ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

Въ 1737 году посланъ я съ двумя еще послами въ Немировъ, на конгрессъ, для трактванія ¹⁾ съ турками; но въ семъ не преуспѣли, за несогласіемъ съ другими послами; почему два нашихъ посла и возвращены ко двору, а мнѣ повелѣно, въ ожиданіи удобнѣйшаго къ тому случая, ѣхать въ Кіевъ, а между тѣмъ быть губернаторомъ для заграничной корреспонденціи во время войны съ турками, по окончаніи которой употребленъ я полномочнымъ

¹⁾ У Голикова: прибавлено «о мирѣ».

министромъ къ разграниченію земель по трактату, съ высочайшимъ государыни императрицы Анны Ивановны обнадеживаніемъ, что если я сіе исполню, то принять буду въ особую ея милость и награжденъ буду орденомъ святаго Александра и великими деревнями, которое, въ 1740 году, между рѣкъ Буга и Днѣпра мною и учинено ²⁾, и возвратился въ Кіевъ во ожиданіи указа.

Того жъ году декабря 4-го числа представилась въ Кіевѣ жена моя Оеодосья Оеодоровна и погребена надъ Оеодосіевыми

¹⁾ Въ статьѣ: «Историческія бумаги XVIII вѣка», помѣщенной въ «Русской Бесѣдѣ» 1860 г., кн. I, помѣщено слѣдующее письмо И. И. Неплюева къ герцогу Бирону, относящееся къ этому времени:

«Свѣтлѣйшій герцогъ, милостивый государь! Ея Императорскаго Величества особливою и всѣхъ Ея Императорскаго Величества подданныхъ общемою радостію, то-есть, новорожденнымъ Ея Императорскому Величеству внукомъ вашу высококняжескую свѣтлость со всеглубочайшимъ моимъ респектомъ поздравить дерзаю, и притомъ нижайшее донести, что хотя мнѣ болѣзнь въ пути вос-

пещерами, внутри церкви, стоящей у земляного вала.

Въ томъ же году присланнымъ указомъ повелѣно мнѣ быть въ Петербургъ для вящаго объясненія по моей комиссіи и для переговоровъ съ турецкимъ посломъ, въ Санктпетербургѣ находящимся; по приѣздѣ моемъ въ Петербургъ отъ правительницы Анны, по силѣ обѣщанія императрицы Анны Ивановны, награжденъ орденъ святаго Александра и немалыми въ Украинѣ деревнями, а именно: волостью Ропскою и мѣстечкомъ Быковымъ со всѣми

препятствовала, но, получа малую слабу, къ рѣкѣ Бугу сего числа прибылъ и уповаю завтра съ турецкими комисары видѣться; а что произойдетъ, о томъ впредь вашей высококняжеской свѣтлости вседолжно и всепокорно доносить не премину, а между тѣмъ и наивсегда подвергаюсь въ высокую вашей высококняжеской свѣтлости высокомиловую протекцію и тоя всенижайше прошу. Милостивой государь, вашей высококняжеской свѣтлости всепокорнѣйшій и преданнѣйшій рабъ Иванъ Неплюевъ».

«Изъ лагеря при рѣкѣ Бугѣ сентября 4, 1740 году».

ко онымъ принадлежностями, въ коихъ было болѣе 2,000 дворовъ; и пожалованъ я надъ всею Малороссіею главнымъ командиромъ, почему я и изъ Петербурга и отъѣхалъ.

Въ проѣздъ мой, въ Москвѣ женился на дѣвицѣ Аннѣ Ивановнѣ, дочери покойнаго генераль-поручика Ивана Ивановича Панина ¹⁾, 1741 году октября 7 дня, и съ нею отправился къ управленію Малороссіею, въ Глуховъ. Въ исходѣ того года присланъ въ Глуховъ съ объявленіемъ о восшествіи на престолъ императорской дщери Петра Перваго, цесаревны Елисаветъ Петровны, Александра Борисовичъ Бутурлинъ, коему повелѣно меня, смѣня отъ всѣхъ должностей, отправить въ Петербургъ, а при томъ публиковать, такъ какъ и во всемъ государствѣ опубликовано было, что

¹⁾ Отецъ графовъ Никиты и Петра Ивановичей, род. 1673 г., ум. 1736 г. Въ Росс. род. книгѣ кн. *Долгорукова*, I, стр. 166, онъ названъ Иваномъ Васильевичемъ; но показаніе Неплюева едва ли можно считать невѣрнымъ.

всѣ указы, какого бы званія ни были, данные въ бывшее правленіе, уничтожаются, и всѣ чины и достоинства отъемяются, и посему я увидѣлъ себя вдругъ лишеннымъ знатнаго поста, ордена и деревень; но какъ я во всю мою жизнь и всѣмъ бывшимъ на престолѣ службу отправлялъ по всей возможности силъ моихъ и ни въ какія придворныя дѣла никогда и нисколько не мѣшался, то, возложась на промыслъ Божій, выѣхалъ изъ Глухова немедленно и путь продолжалъ съ поспѣшностью, дабы узнать скорѣе мой жребій и успокоить страждущую жену мою, которая, самое малое время живъ со мною, ввергалась чрезъ меня, хотя и неповинно, чему самъ Богъ свидѣтель, въ такое бѣдственное и неизвѣстное состояніе. Приѣхавъ въ Москву, узналъ отъ тещи моей, Аграфены Васильевны, что меня обвиняютъ дружбою съ графомъ Андреемъ Ивановичемъ Остерманомъ, и что онъ и другіе признаны достойными наказанія, и публично то надъ ними исполнилось; и хотя я ничего противнаго оте-

честву и самодержавной власти не только не дѣлалъ, но не слыхалъ, но, ей-ей, и никогда и не думалъ, со всѣмъ тѣмъ сія вѣдомость меня потревожила несказанно. Въ графѣ жъ Андрей Ивановичъ имѣлъ я всегда моего благодѣтеля, и за чтò онъ такъ осужденъ былъ, того также, по совѣсти, какъ предъ Бога явиться, не вѣдалъ; но, жалѣя бѣдную жену мою, старался ее ободривать; да и въ самомъ дѣлѣ возложился на Бога и на мою неповинность, и съ тѣми мыслями въ Петербургъ прибылъ, и явился у князя Алексѣя Михайловича ¹⁾ и у князя Никиты Юрьевича ²⁾, кои мнѣ всегда были благодѣтели. Князь Никита Юрьевичъ сказалъ, чтобъ я ѣхалъ къ принцу Гессенъ-Гомбургскому и ему доложилъ о моемъ пріѣздѣ, чтò я и сдѣлалъ. Отъ принца присланъ былъ ко мнѣ приказъ, чрезъ нѣсколько часовъ послѣ моя у него бытности, чтобъ

¹⁾ Черкаскаго (род. 1680 г., ум. 1742 г.).

²⁾ Трубецкаго (род. 1700 г., ум. 1768 г.).

*

я никуда не съѣзжалъ со двора, и потомъ увѣдалъ, что въ бывшей особоучрежденной комиссіи въ 16-ти пунктахъ допрашивали графа Остермана: не вѣдалъ ли о семъ Неплюевъ; а онъ давалъ отвѣты, какъ то и подлинно и было, что я ни о чемъ не былъ извѣстенъ; и хотя онъ нынѣ несчастенъ, но я не могу отпереться, что онъ былъ мой благотворитель и человекъ таковыхъ дарованій ко управленію дѣлами, каковыхъ мало было въ Европѣ¹⁾.

Въ началѣ 1742 года присланъ ко мнѣ отъ принца приказъ, чтобъ я у двора

¹⁾ Порошинъ въ своихъ Запискахъ, подъ 15-мъ октября 1764 г., приводитъ разсказъ Н. И. Панина, что по дѣлу Волынскаго «дошло было и до князя Никиты Юрьича Трубецкаго, но что спасъ его въ то время Иванъ Ивановичъ Неплюевъ; какъ послѣ добрались до Остермана, и князь Никита Юрьевичъ былъ въ комиссіи, то и Ивана Ивановича Неплюева также было, выслуживаясь, хотѣлъ управить какъ Остермана, говоря, что въ немъ душа Остерманская». Приводимъ здѣсь кстати и другой разсказъ Панина о Неплюевѣ, относящійся ко временамъ императрицы Анны и также запи-

явился, что я и исполнилъ, и при семъ случаѣ поставленъ я былъ на колѣни предъ церковью въ то время, когда императрица Елисаветъ Петровна проходила во оную; она изволила, остановясь, возложить на меня паки орденъ святаго Александра и пожаловать меня допустить къ рукѣ; я, увидѣвъ дочь государя, мною обожаемаго, въ славѣ, ей принадлежащей, и въ лицѣ ея черты моего отца и государя Петра Перваго, такъ обрадовался, что забылъ и все:

санный Порошинымъ подъ 22-мъ ноября 1764 г. «Иванъ Ивановичъ въ свое время человѣкъ былъ гораздо не глупый и дѣловой; особливо похвалялъ (Панинъ) сочиненный имъ во владѣніе императрицы Анны Іоанновны, по приказанію графа Остермана, указъ о выкупѣ и о закладѣ имѣній, называя указъ сей сочиненіемъ весьма благоразумнымъ и достойнымъ быть въ законахъ государства просвѣщеннаго. Сей указъ послѣ отмѣненъ, какъ Никита Ивановичъ изволилъ сказывать, по предложенію князя Никиты Юрьевича». Упоминаемый адѣсь указъ императрицы Анны вышелъ 1-го августа 1737 г. и помѣщенъ въ Полномъ Собраніи Законовъ.

минувшее и желалъ ей отъ истинной души всѣхъ благъ и послѣдованія ей путемъ въ Бозѣ опочивающаго родителя. Потомъ сдѣлалъ я визиты всѣмъ знатымъ. Старый мой благодѣтель, Григорій Петровичъ, принялъ меня, какъ роднаго, и всѣ силы употреблялъ къ защищенію моей невинности, но не преуспѣлъ въ томъ. Черезъ нѣсколько дней сдѣлана мнѣ отъ сената повѣстка, чтобъ я во оный явился, гдѣ мнѣ объявленъ ея величества именной указъ, чтобъ ѣхать въ Оренбургскую экспедицію командиромъ, которая экспедиція учреждена въ 1735 году для новоподдавшагося Киргизъ-Кайсацкаго кочующаго между морей Каспійскаго и Аральскаго народа и для распространенія коммерціи, утвержденія отъ того степнаго народа границы; а въ какомъ состояніи я нашелъ тамошнія дѣла, что преуспѣлъ, то ниже показано будетъ.

По содержанію того высочайшаго повелѣнія отправился я съ покойнымъ по невинности моей духомъ; но въ несчастіе такое приведенная жена моя, съ самаго

сего дня, поверглась во уныніе, и отъ того никакимъ совѣтомъ ее я извлечь не могъ, отъ чего и почувствовала тяжкіе болѣзненные припадки. Прибылъ я, наконецъ, съ нею и съ дѣтьми моими, Анною и Николаемъ, въ Самару, въ которомъ, на Волгѣ лежащемъ городѣ, всѣ командиры той экспедиціи имѣли свое пребываніе, а граница оставалась вся неукрѣпленною, кромѣ нѣкотораго малаго числа крѣпостей по Самарской и Яицкой линіямъ, и главнѣйшая изъ тѣхъ крѣпость, именуемая Оренбургъ, а послѣ мною переименованная Орскою, на рѣкѣ Яикѣ, была окружена заборомъ изъ плетня, осыпаннымъ землянымъ брустверомъ и снабженная малымъ числомъ гарнизона. Въ ту крѣпость Орскую по однажды въ годъ ѣзжали командиры со многочисленнымъ конвоемъ, потому что по всей той линіи регулярныхъ командъ нигдѣ не было, кромѣ бѣглыхъ крестьянъ, названныхъ казаками, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ населенныхъ, а въ зиму и вовсе коммуникація съ Яицкою линіею пресѣкалась.

Увѣдавъ о всемъ томъ, первую должностію почелъ осмотрѣть всѣ мѣста и положенія той линіи; почему того жъ 1742 году по онымъ и ѣздилъ и, сдѣлавъ примѣчанія, опредѣлилъ: заведенныя селенія и вновь мною на пустыхъ и удобныхъ мѣстахъ назначенныя укрѣпить по правиламъ фортификаціоннымъ и, отъ степнаго народа къ оборонѣ достаточнымъ, снабдя всѣ тѣ мѣста гварнизонамъ изъ регулярныхъ, артиллеріею и пороховыми казнами, а прежде меня названную крѣпость Оренбургскую переименовавъ Орскою по близости рѣки того названія, укрѣпить валомъ съ бастіонами. Къ переименованію жъ имени сей крѣпости, и что я за главную къ торговлѣ ту не могъ назначить, были таковыя причины: 1-е) то мѣсто безлѣсно; 2-е) построена на поемномъ мѣстѣ и по сему къ житію нездорова; 3-е) для произведенія торговли, по отдаленности и по опасности въ проѣздахъ купцамъ россійскимъ, неспособная; 4-е) въ проѣздѣ къ той крѣпости по пустымъ мѣстамъ всегда подвержены были ку-

печескіе капиталы грабленію отъ киргизцовъ, что и ежегодно исполнялось. Для всѣхъ сихъ обстоятельствъ и болѣе для ближайшаго надзираія надъ склоннымъ къ бунтамъ Башкирскимъ народомъ, внутри тѣхъ линій поселеннымъ, избралъ я мѣсто ниже по теченію рѣки Яика прежде означенной главной крѣпости 250 верстъ и основалъ тутъ крѣпость, которую и наименовалъ, слѣдуя первому названію, Оренбургомъ. О всемъ вышеписанномъ донесъ я какъ въ сенатъ, такъ и въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, отъ коихъ и получилъ во всемъ томъ аппробацію. Вовзимѣвъ тоё, было мое стараніе привести тотъ городъ въ порядокъ, какъ для безопасности жителей, назнача оный оградить ровомъ и валомъ съ каменною одеждою въ цирконференціи безъ мала 5 верстъ, и снабдить достаточнымъ гарнизономъ и поселянами, для коихъ, какъ и многія публичныя строенія, по строилъ я изъ казны, приманивая купцовъ изъ Самары и изъ другихъ мѣстъ разными выгодами; а какъ во всякомъ

случаѣ лучшій примѣръ къ снесенію труда можетъ подать командующій, то я самъ на томъ мѣстѣ жилъ въ палаткахъ до ноября мѣсяца, имѣя только для дочери моеѣ кибитку, а для себя обыкновенную землянку, каковыя и у послѣдняго жителя были, и не прежде въ построенный командирскій домъ вошелъ, какъ и всѣ жители—въ ихъ дома, а гарнизонъ—въ казармы, и болѣе уже (по прежнему обычаю командировъ) въ Самару, то-есть, въ Русь, не возвращался. Сіе исполнивъ, обратилъ я мое вниманіе на приманиваніе къ торговлѣ купцовъ изъ Россіи, также и азіатцевъ. О первыхъ писалъ я во всѣ магистраты, увѣряя, что польза собственная ихъ изъ словъ моихъ будетъ свидѣтелемъ; а для вторыхъ посылалъ я за границу грамоты, приглашая какъ киргизцовъ, такъ хивинцевъ, тапкенцевъ, кашкарцевъ, трухменцевъ и бухарцевъ къ торговлѣ, снабждая и симъ ихъ пользою. Въ сію посылку употреблялъ я магометанъ, татаръ слободы Сеитовой; и какъ сей народъ легко

ослѣпленъ быть можетъ корыстію, то я сихъ татаръ и наградилъ изобильно и обнадѣжилъ, по исполненіи ихъ комиссіи съ успѣхомъ, наградить еще болѣе¹⁾, кои, получа первое и льстясь послѣднимъ, столь усердно по всѣмъ тѣмъ областямъ старались, что съ 1745-го году знатный торгъ въ Оренбургѣ возымѣлъ начало, такъ что я уже въ состояніи былъ, вмѣсто получаемыхъ отъ начала той экспедиціи ежегодно до 30,000 р. изъ казны, содержать оную отъ доходовъ пошлинныхъ; а сверхъ того, ввезено торгомъ въ Россію вошедшаго въ объявленіи слишкомъ 5,000 р. серебра, а болѣе того числа вошло, кое не было въ объявкѣ, и не мало золота, а пошлинный сборъ доходилъ до 50 тысячъ въ годъ. Прежде меня отъ бывшей коммерціи никогда трехъ тысячъ въ годъ не приходило.

¹⁾ Слобода Сеитова подъ Оренбургомъ на рѣкахъ Сакмарѣ и Каргалѣ (нынѣ посадъ Сеитовскій или Каргала) основана Неплюевымъ въ 1744 году и первоначально была заселена зажиточными торговыми людьми изъ казанскихъ татаръ.

Въ 1743-мъ году ѣздилъ я выше той Орской крѣпости, вверхъ по рѣкамъ Яику и Ую, которое разстояніе отъ заложеннаго мною Оренбурга слишкомъ 700 верстъ, на коемъ, кромѣ Верхояицкой крѣпости, по всей линіи никакого не было укрѣпленія и селенія. По удобнымъ мѣстамъ назначилъ я созидать крѣпости и редуты и тѣ снабдилъ гарнизонами и всѣмъ потребнымъ; къ размноженію жъ торгоу за полезное призналъ и на Уйской линіи построить одну крѣпость познатнѣе, для того, что къ той рѣкѣ прилегаютъ киргизцы Средней Орды, коимъ въ Оренбургъ на торгъ ѣздить, за отдаленностью, не было удобно, а болѣе для обузданія башкирцевъ Ногайской дороги. Все сіе мое учрежденіе получило апробацію; а я, видѣвъ дѣламъ моимъ успѣхъ въ пользу отечества, былъ совершенно доволенъ и спокоенъ, забывъ ту прискорбность, съ кою въ сію экспедицію прибылъ. На возвратномъ моемъ пути съ верхней линіи превозмогла грусть жену мою, которая въ томъ же году, въ Орской

крѣпости, представилась. Я спѣшилъ удалиться съ сего мѣста, что и исполнилъ, отдавъ ей послѣдній долгъ пристойнымъ погребеніемъ.

Въ 1745 году представилъ я о переименованіи сей экспедиціи въ губернію и о приписаніи ко оной отъ Казанской, Уфимской и отъ Сибирской Исецкой провинцій, что также апробовано. Во многихъ мѣстахъ лежавшіе отъ начала праздно въ нѣдрахъ земныхъ минералы стараніемъ моимъ сдѣлались открыты; а по сему и желающіе явились заводить разные заводы, коихъ польза, какъ общая, такъ и частная заводчиковъ, всѣмъ уже извѣстна, почему я и описывать то оставляю.

Въ 1750 году дозволено мнѣ было, наконецъ, у двора на время явиться, дабы трактовать со мною по представленіямъ моимъ о начатіи торго въ Индію; почему я въ Петербургъ и пріѣхалъ. И въ сію бытность, слѣдуя волѣ моей, женился сынъ мой Николай на дочери санктпетербургскаго оберъ-коменданта, князя Теодора Василье-

вича Мещерскаго, Татьянѣ, что и исполнилось мая 30 числа 1751 года, а въ томъ же годѣ, въ день торжества восшествія на престолъ, пожалованъ я дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и отправленъ обратно въ Оренбургъ, не возымѣвъ, къ огорченію моему, успѣха о начатіи предпріятого мною въ пользу Россіи торговаго съ Индіею. Возвратясь въ Оренбургъ, пребывалъ тамо во исполненіе по всей возможности моего долга спокойно.

Въ томъ же 1751 году сынъ мой, Николай, бывшій сержантомъ, атестованъ и въ докладѣ написанъ въ подпоручики кадетскаго корпуса, по прошенію моему выпущенъ въ порутчики армейскихъ полковъ и опредѣленъ въ мою команду, почему и причисленъ мною въ должность генералсъ-адъютанта.

Въ началѣ 1752 года, по именному указу, пожалованъ капитаномъ сынъ мой и прибылъ съ женою и двумя его сыновьями, Иваномъ и Николаемъ, ко мнѣ въ Оренбургъ и употребленъ мною къ правленію

дѣлъ, какъ по воинской командѣ и заграничной экспедиціи, такъ и къ сочиненію по всѣмъ тѣмъ и губернскимъ дѣламъ отъ меня въ сенатъ, въ коллегіи иностранную и военную представленій, а сверхъ того, будучи я уже дряхль, вмѣсто себя посылалъ его въ разныя мѣста дѣлать примѣчанія для безсомнительнаго и вѣрнѣйшаго моего познанія.

Въ 1754 году родился мнѣ третій внукъ, коего я наименовалъ Самсономъ по той причинѣ, что прадѣдъ мой былъ того имени, который, будучи выгнанъ отъ роднаго своего брата изъ наслѣднаго ему дома, дожилъ вѣкъ свой въ недостаткахъ терпѣливо, но Провидѣніе, награждающее смиренныхъ и наказующее злыхъ, не токмо тому праведному Самсону принадлежащую, но и брату, обидѣвшему его, части доставило отцу моему.

Въ 1755 году мая 13-го числа преставился внукъ мой Николай, всякаго портрета къ сыну моему лицомъ сходнѣйшій, а въ томъ же годѣ іюля 20-го дня скончала

жизнь и невестка моя, Татьяна Федоровна. Скорбь, сею утратою сыну моему причиненная, потому что они жили столь согласно, какъ рѣдко и примѣры бываютъ, меня сокрушила. Стараясь его удалить отъ предмета, имъ столь любимаго, примыслилъ о отправленіи его вверхъ по линіи осмотрѣть вмѣсто себя какъ оную, такъ и внутри живущихъ башкирцевъ, нѣтъ ли имъ отъ кого обидъ, что я и почаству чрезъ него, сына моего, дѣлывалъ; и какъ только объявилъ о семъ пути, то въ ту жь ночь приключилась мнѣ пружестокая горячка, и хотя жаръ мой пущаніемъ крови и убавленъ, но продолжаясь, умножалъ мою слабость, почему я и принужденъ нашелся отмѣнить отправленіе сына моего. На третій день послѣ сего получилъ я изъ Исецкой провинціи репортъ, что башкирцы Нагайской дороги, убивъ всѣхъ присланныхъ отъ кабинета для сысканія къ фарфоровому заводу глины и каменотесцевъ, всѣ взбунтовались по разсѣянному во всѣхъ мѣстахъ и почти въ одинъ часъ возмути-

тельному письму, коего сочинитель был одинъ изъ ихъ духовныхъ, именуемъ Батырша, который имѣлъ въ разсѣян того почти всѣхъ духовныхъ себѣ помощниками; причины въ томъ по ихъ сужденію показаны, что они состоятъ правоты подѣ итогъ безвѣрнаго христіанскаго народа, и чтобъ каждый вѣрящій въ Бога и послѣдующій праведному Магомету прінялъ въ защищеніе закона оружіе, хоть и съ погибелью каждаго и всѣхъ въ разсужденіи могущей встрѣтиться превосходной силы, но зато несумнѣннымъ вознагражденіемъ обѣщанныхъ благъ въ Аллѣи; а въ самое жъ то время посланъ отъ него, Батырши, какъ въ Казанскую губернію къ татарамъ, такъ и киргизъ-казацкому народу, кочующему за Яикомъ; таковыя жъ письма, въ коихъ назначенъ былъ день и часъ къ начатию сего возмущенія; почему вдругъ по предписанному времени весь башкирскій народъ взбунтовался. Оный башкирскій народъ съ начала подданства царю Ивану Васильевичу

по ихъ природному звѣрству, прежде бытности моей въ разные времена бунтовалъ 6 разъ; а киргизцы начали производить набѣги за границу, какъ для погубленія россянъ, такъ и для вспоможенія башкирцевъ. Все сіе, какъ выше я сказалъ, приключилось во время тяжелой моей болѣзни, но къ счастію, оставившей мнѣ память къ принятію мѣръ потребныхъ, кои состояли въ томъ, что я послалъ ордеры:

1-е) Во всѣ по линіи крѣпости и редуты о наблюденіи къ защищенію должной предосторожности; въ случаѣ возможности о дѣланіи поисковъ надъ злодѣями.

2-е) О немедленной высылкѣ изъ яицкаго войска тысячи человѣкъ казаковъ.

3-е) Къ находящимся команды моей армейскимъ тремъ драгунскимъ полкамъ—Московскому, Троицкому и Ревельскому, чтобъ немедленно внутрь Башкиріи вступили и тамо дѣлали поиски, не щадя не токмо жилищъ, но самыхъ башкирцевъ, женъ ихъ и дѣтей, для вкорененія страха къ недопущенію сему злу распространиться.

4-е) Въ Казанской же губерніи пребывающимъ четыремъ армейскимъ полкамъ писалъ я, что хотя они и не въ моей командѣ, но начинающееся зло есть такого рода, что каждый по должности и присягѣ обязанъ быть послушнымъ начальнику, какъ-то мнѣ, въ губерніи, въ которой оное открылось, и потому я высочайшимъ ея императорскаго величества именемъ командирую тѣхъ полковъ опредѣляю поспѣшить приходомъ своимъ въ Оренбургскую губернію, а въ случаѣ паче чаянія ихъ ослушанія подвергнуть себя командиры тягчайшему по законамъ штрафу; по приближеніи жъ каждаго полка найдетъ командиръ въ предписанныхъ мѣстахъ себя наставленіе, куда слѣдовать и что дѣлать, — каковыя наставленія отъ меня во всѣ мѣста, куда тѣмъ полкамъ по способности слѣдовать надлежало, съ нарочными офицерами, знающими внутренность положеній башкирскихъ жилищъ и разосланы.

5-е) Намѣстнику Калмыцкаго ханства Дундукъ-Тайшѣ писалъ я, скрывъ однако жъ

*

отъ него башкирское возмущеніе, чтобъ онъ прислалъ тысячу человѣкъ калмыкъ по причинѣ умножающихся отъ киргизцевъ наглостей, которымъ киргизцамъ тѣ калмыки были, есть и будутъ, по ненависти врожденной въ нихъ, непріятелями.

6-е) На Донъ къ атаману писалъ я, чтобъ прислалъ немедленно тысячу человѣкъ казаковъ.

7-е) Оренбургскихъ тысяча человѣкъ казаковъ и 500 ставропольскихъ крещеныхъ калмыкъ отправилъ я по линіи въ тѣ мѣста, гдѣ болѣе киргизскихъ набѣговъ имѣлъ причину опасаться, куда и пришедшихъ яицкихъ казаковъ подъ командою ландмилицкаго Шешминскаго полка капитана Тимашева, человѣка мнѣ весьма надежнаго и во многихъ случаяхъ о храбрости его, будучи въ полкахъ, и въ знаніи какъ съ сими непріятелями поступать извѣданнаго.

8-е) Съ самаго жъ начала полученія о семъ извѣстія писалъ я къ киргизскому Нурали-хану, чтобъ онъ народъ свой удер-

живалъ отъ вспоможенія бунтовщиковъ башкирцевъ, а какъ оный ханъ надъ своими народами не самовластенъ, то я при томъ же велѣлъ писать и ко всѣмъ знатымъ старшинамъ моему сыну, со обнадеживаніемъ за послушаніе высочайшей ея величества милости, которой опытомъ предварительно подтвердилъ я нѣкоторыми имъ подарками, а въ случаѣ ихъ ослушанія пристращиваніемъ ихъ достойнаго наказанія; тому жъ посланному въ Киргизскую орду изъ магометанъ толмачу были отъ меня даны секретно сдѣланные нарочно на татарскомъ языкѣ листы отъ имени пребывающаго въ Оренбургѣ магометанскаго, ими почитаемаго, знатнаго духовнаго ¹⁾, такого содержанія, что онъ подвигу своихъ одно-

¹⁾ Объ этомъ магометанскомъ духовномъ лицѣ, ахунѣ Ибрагимѣ Абдрахмановѣ (ум. въ 1761 г.), какъ о человѣкѣ ученомъ, знатокѣ татарской исторіи, упоминаетъ П. И. Рычковъ въ письмахъ своихъ къ В. Н. Татищеву (Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, соч. П. Пекарскаго, стр. 12, 13 и др.).

вѣрцевъ, хотя и радуется, но какъ башкирскій народъ, о чемъ и имъ, киргизцамъ, извѣстно вѣроломный и непостоянный, то онъ опасается, чтобъ оный, возымѣвъ успѣхъ въ своемъ предпріятіи съ помощію ихъ, киргизъ, потомъ первою жертвою себѣ назначить ихъ же, киргизцовъ. Таковы листы посланный мой иногда нарочно обранивалъ, а иногда по дружбѣ и отдавалъ въ руки; хотя сіе средство, употребленное мною въ старшинахъ и въ ханѣ, и имѣло желаемое дѣйствіе, но вообще въ народѣ не произвело успѣха; ибо тотъ киргизскій народъ, будучи кочевый и степной, ко всякому воровству и грабительству наклонный, не внималъ никакимъ увѣщаніямъ, а пользовался симъ случаемъ, чтобъ наживаться.

9-е) Съ полученія жъ о томъ бунтѣ вѣдомости равослалъ я во всю Башкирію грамоты, коими прощались всѣ бунтовщики, кромѣ зачинщиковъ, такъ что всѣ безъ малѣйшаго наказанія останутся и пребудутъ при прежнихъ своихъ вольностяхъ, если съ полученія сего принесутъ повин-

ную, а кто помянутаго Батыршу, поймавъ, привезетъ въ Оренбургъ, тому обѣщано дать 1,000 руб.; а буде изъ простыхъ, то старшинское достоинство съ награжденіемъ богато осыпанной каменьями сабли, лисьей шапки и кафтана, а буде кто изъ послѣдователей его, Батырши, 10 человекъ именитыхъ его учениковъ, поймавъ, приведетъ, тому дано будетъ 500 руб.; буде же и за симъ милосердымъ объявленіемъ оный башкирскій народъ останется въ возмущеніи, то съ онымъ и съ женами ихъ поступлено будетъ какъ съ злодѣями, безъ пощады и малолѣтнихъ ихъ дѣтей. При сихъ грамотахъ разосланы такъ же въ Башкирію, отъ имени предупомянутаго въ Оренбургѣ находящагося духовнаго, нарочно сочиненные мною листы, коими онъ увѣщевалъ къ усмирению, а что извѣстный Абызь-Батырша не что иное есть, какъ прелестникъ и нарушитель ихъ покоя, что таковое за законъ вступленіе безъ подтвержденія всего ихъ духовенства не можетъ быть согласно съ святою книгою Алёора-

своея безопасности; ибо ненависть и гордость противъ ихъ башкирская имъ довольно извѣстна, и что главнѣйшая причина ихъ возмущенія есть та, чтобъ обратить ихъ въ прежнее рабство, а къ поимкѣ извѣстнаго Батырши и его учениковъ, я на нихъ, мещеряковъ и тевтеряковъ, болѣе всѣхъ надѣюсь; желалъ бы, чтобъ обѣщанное за то награжденіе изъ нихъ кому досталось.

О всемъ вышеписанномъ донесъ я ко двору съ курьеромъ, съ которымъ я и получилъ на все апробацію; но между тѣмъ, пока команды въ Башкирію доходили и отправленные отъ меня нерегулярныя войска пришли въ назначенныя мѣста, многое убивство отъ тѣхъ злодѣевъ произошло и съ такою свирѣпостію, что, убивая россиянина, тѣло его въ куски рѣзали, и сожгли заводъ Александра Ивановича Шувалова. Не могу и сего пропустить молчаніемъ, что при толь къ возмущеніямъ неправильнымъ причинамъ, какъ отъ того Батырши, такъ и отъ всѣхъ его сообщни-

ковъ въ разсѣянныхъ письмахъ, а по производившимся послѣ допросамъ, ни одного слова къ нареканію моему въ управленіи ими не написано и не сказано. Разосланныя въ Башкирію отъ меня грамоты имѣли тотъ успѣхъ, что многіе, отъ намѣреннаго зла отставъ, приходили съ повинными, почему отъ меня и даваны таковымъ за моею рукою охранительные указы. Тевтяри и мещеряки съ такою ревностію противъ башкирцевъ вступились, какой только желать возможно было, а знатнѣйшіе ихъ старшины отправили отъ себя для сысканія тѣхъ возмутителей такихъ людей, которые ихъ и въ лицо знали. Въ сей же поискъ поѣхалъ одинъ престарѣлый и мною всегда любимый старшина мещеряцкій, ко-
ему было болѣе 80 лѣтъ отъ роду.

По приходѣ жъ всѣхъ мною требованныхъ и ожидаемыхъ командъ въ Башкирію, не могли уже бунтовщики во оной остаться, а принуждены напшлись перебираться за Яикъ, по условію своему, къ киргизъ-кайсакомъ, и хотя отъ меня къ

пресѣченію и того приняты мѣры, но какъ линія продолжается слишкомъ на 1000 верстъ, то во всѣхъ мѣстахъ того отвратить было не возможно, почему башкирцевъ съ женами и дѣтьми перебралось болѣе 50,000 душъ. При перелазахъ за Яикъ многіе побиты, а лошадей и имѣніе ихъ, кое при нихъ было, велѣлъ я отдавать тѣмъ командамъ, которыя при дѣлѣ были; къ чему я употреблялъ болѣе некрещенныхъ калмыкъ и донскихъ казаковъ. Башкирцы, увидя себѣ къ переходу къ киргизцамъ препятствія, обращались въ дома и приносили повинную, почему таковые всѣ были прощаемы; но я симъ покореніемъ ихъ не успокоился, потому что сіе было сдѣлано отъ нихъ по нуждѣ, и что мнѣ толикаго войска содержать въ губерніи не всегда возможно, то по сему обратилъ я мое вниманіе на искорененіе той надежды, которую башкирцы на киргизцевъ имѣли, что я и исполнилъ слѣдующимъ образомъ. Послалъ я грамоты отъ себя въ Киргизскую орду съ разными татарами Сеитовой

*

слободы, а въ тѣхъ было написано, что ея императорское величество, примѣчая непоколебимую вѣрность къ себѣ киргизскаго народа, хотя нѣкоторые изъ молодыхъ людей, и то самая малая часть, попользнулись, будучи обмануты башкирцами, дѣлать внутри границъ набѣги, но сихъ по ихъ преступленію наказать предоставляетъ Киргизскому хану, однако съ тѣмъ, чтобъ никто изъ нихъ не лишень былъ жизни; и сіе все писано было для того, ибо ханъ тамъ, какъ выше писано, не самовластенъ и никого не только жизни лишить, но и штрафовать не можетъ, но для лучшаго успѣха послѣдующихъ той грамоты строкъ; прочихъ же того народа милуетъ ея величество женами, и дочерьми, и имѣніемъ перебѣжавшихъ къ нимъ башкирцевъ, но съ тѣмъ, чтобъ мужчины отвезены въ Россію или бы выгнаны были изъ ихъ кочевья, за исполненіе чего, сверхъ того, награжденіе получить каждый по мѣрѣ своея въ томъ услуги.

Не успѣли сіи грамоты привезены быть

въ орду, какъ склонные къ плотскому паденію магометане киргизъ-кайсаки тѣмъ пожалованіемъ желали пользоваться. Башкирцы жъ, мужья и отцы, увидѣвъ въ своихъ защитникахъ и обнадеживателяхъ такое надъ женами ихъ и надъ дочерьми насильство, принуждены наплись защищать ихъ съ потеряніемъ жизни, и симъ способомъ погибло не мало башкирцевъ и киргизцевъ. Ушедшіе изъ орды, выгнанные присуждены были возвращаться на прежнія жилища, потерявъ женъ и дѣтей и свое имѣніе. На границѣ жъ отъ меня приказано было таковыхъ пропускать въ ихъ жилища, дабы слухомъ симъ отнять у всѣхъ башкирцевъ ту надежду, которую они на киргизцевъ имѣли. Многіе, потерявъ матерей, сестеръ, женъ своихъ и дочерей, пріѣзжали ко мнѣ просить, дозволенія переѣхать имъ за Яикъ для отщенія и воздаянія за обиду обманувшимъ ихъ киргизцамъ; я въ нихъ болѣе старался влагать къ нимъ ненависти; но чтобъ позволить имъ въ улусы ихъ ѣхать, того

я безъ указу не могу, ибо довольно съ нихъ и тоя милости, что они за возмущеніе остаются не наказанными, для того, что киргизскій поступокъ съ женами ихъ и дочерьми довольно для нихъ наказателенъ; желая жь еще болѣе вражду между сими народами вкоренить, велѣлъ я переводчикамъ, чтобъ они отъ себя имъ совѣтовали, что: «Генералу де ѣхать вамъ позволить нельзя, а буде вы и поѣдете и киргизцевъ разобьете, такъ надѣмся де разыскивать на васъ не будутъ».

Они, обрадовавшись сему совѣту, многими партіями собрались и поѣхали за Яикъ противъ киргизцевъ, которые, плавая въ новомъ сластолюбіи и вознадѣясь, что разоренные башкирцы не осмѣлятся о женахъ и дѣтяхъ своихъ и помыслить, пребывали безопасно.

Между тѣмъ послалъ я по линіи къ командирамъ секретные ордера, что если башкирцы безъ семейства и по ихъ обычаю вооруженные, будутъ за Яикъ переселиться, то бы они не воспрещали, а

притворились бы такъ, будто того не примѣтили.

Озлобленные башкирцы обратили всю свою ярость на ближайшіе киргизскіе улусы, многихъ побили и взяли ихъ женъ и дѣтей и весь скоть. Ханъ не умедлилъ меня о семъ увѣдомить и требовалъ отмщенія, — которыми¹⁾ я отписывать хотя и общалъ, но велѣлъ сказать хану и отписалъ къ нему письмо, что если бы они²⁾ тѣхъ злодѣевъ прежде не принимали, то бы и сего произойти никогда не могло, и что, сколько мнѣ извѣстно, весь башкирскій народъ только о томъ и мыслить, какъ погублять киргизцевъ, и еслибы мною не были удерживаемы, то бы киргизцы скоро увидѣли истину словъ моихъ. Пока сей присланный отъ хана у меня былъ, то я получилъ репортъ съ линіи, что киргизцы, болѣе какъ въ 2000 человекъ, покушались перейти чрезъ Яикъ, но встрѣчены

¹⁾ Башкирцамъ.

²⁾ Киргизы.

будучи не крещеными калмыками и донскими казаками, разбиты, а для вѣрности одинъ изъ тѣхъ киргизцевъ скованный ко мнѣ присланъ. И какъ нѣкоторая часть киргизцевъ, желая спастись бѣгствомъ послѣ того сраженія, попалась на наѣхавшихъ для отмщенія башкирцевъ, и тѣми киргизцы почти всѣ переколоты, а остальные гнаны были до ихъ улусовъ, въ которыхъ башкирцы взяли множество лошадей и въ дома свои перебрались, я въ томъ письмѣ моемъ къ хану приписалъ и сіе обстоятельство, укоряя его, что если башкирцы и безъ позволенія моего къ нимъ для воровства ѣздятъ, напротивъ чего плѣнный киргизецъ показалъ, что о намѣреніи ихъ, киргизцевъ, къ впаденію въ Башкирію, онъ, ханъ, былъ извѣстенъ и то аппробовалъ, чему однако жъ я не вѣрю и того плѣннаго киргизца, по дружбѣ моей къ нему, хану, отпускаю, дабы онъ былъ извѣстителемъ, какъ то дѣло происходило; а при томъ совѣтую ему, хану, и всѣмъ старшинамъ, чтобъ они

народъ свой увѣщевали, дабы впредь такихъ продерзостей дѣлать не отваживались, а инако я принужденъ буду, къ утвержденію вновь въ вѣрности, башкирскій народъ обратить къ нападенію на ихъ улусы и подкрѣплять оный всѣми въ моей командѣ состоящими силами. Сіе происшествіе положило таковую вражду между тѣми народами, что Россія навсегда отъ согласія ихъ можетъ быть безопасна. Въ Башкирію послалъ я указы, чтобъ отнюдь никто не дерзалъ безъ дозволенія моего за Яикъ ѣздить, и что мнѣ непріятно было услышать жалобы отъ Киргизскаго хана, что нѣкоторые башкирцы разорили его улусы, чему я, однако жъ, не могу вѣрить; ежели жъ кто изъ башкирцевъ отнынѣ пойманъ будетъ, ѣдущій на добычу въ орду, тотъ или тѣ, и съ женами, и дѣтьми, отданы будутъ киргизцамъ. Таковое воспрещеніе принужденъ я былъ для того сдѣлать, дабы отъ умноженія ихъ ссоръ не навестъ новыхъ замѣшательствъ и затрудненій; киргизцамъ же совѣтовалъ

съ ихъ улусами, для убѣжанія отъ башкирскихъ продерзостей, отъ границъ удалиться, что они и исполнили; внутри жъ Башкиріи заложилъ я крѣпость на рѣкѣ Зелайрѣ, назвалъ оную Зелайрскою и снабдилъ ту немалымъ гарнизономъ и всѣми потребностями, опредѣливъ въ оную комендантомъ надежнаго и исправнаго челоуѣка, снабдя его секретною инструкціею, что главная его должность состоитъ въ томъ, чтобъ надзирать надъ башкирцами въ наблюденіи тишины и спокойствія. И какъ такимъ образомъ все устроено, то по частымъ моимъ подтвержденіямъ въ орду и Башкирію, вышеписанный возмутитель сего бунта Абызъ Батырша, уже не смѣя показаться въ жилищахъ, странствуя съ учениками своими въ лѣсахъ, тѣмъ престарѣлымъ мещеряцкимъ старшиною, о коемъ я выше упомянулъ, пойманъ и отданъ Зелайрской крѣпости коменданту, а тотъ его переслалъ ко мнѣ. Я отправилъ его въ Петербургъ; поймавшій его мещеряцкій старшина, ѣхавъ ко

мнѣ въ Оренбургѣ, на дорогѣ умеръ; но я, желая исполнить мое слово и наградить его за услугу, велѣлъ прислать старшаго изъ его дѣтей; почему сынъ его, 14 лѣтъ и будучи только одинъ у него, ко мнѣ и явился. Я, сдѣлавъ ему кафтанъ и шапку на свой коштъ и придавъ ему переводчика, для большаго уваженія заслуги его отца, отправилъ ко двору, представя и испрашивая, чтобъ все обѣщанное мною, вмѣсто отца, надъ нимъ было исполнено; почему онъ и пожалованъ, по имянному указу, старшиною на мѣсто отцово, а сверхъ того, дано ему въ награжденіе 1000 руб., сабля, богато убранная камнями, съ надписью имени отца его, и что онъ, за заслуги его, симъ награждается, съ таковою же надписью серебрянный ковшъ съ позолотою, въ полторы бутылки, кафтанъ и полукафтанье и кушакъ пребогатою парчи, шапка черныхъ лисицъ, парчевая жъ, а сверхъ того, имѣлъ счастье представленъ быть къ рукѣ ея величества. По полученіи о семъ извѣстія, не оставилъ я дать знать о семъ во всю

*

Башкирію указами, также въ Киргизскую орду письмомъ, для показанія симъ народамъ, сколь щедро отъ ея величества заслуги награждаются, не токмо надъ самыми тѣми, но и надъ дѣтьми ихъ.

Въ томъ же году, осенью, всѣми вышеписанными средствами приведа я ввѣренную мнѣ губернію въ прежнюю типину, отпустилъ я какъ регулярныя, такъ и нерегулярныя команды, кромѣ яицкихъ казаковъ, коимъ опредѣлилъ я зимовать близко линіи и Ногайской дороги; а съ подробнымъ всего того описаніемъ и для объясненій на словахъ, въ началѣ декабря мѣсяца, отправилъ я ко двору моего сына, по всѣмъ симъ дѣламъ особенно трудившагося и мнѣ дѣлающаго помощь, но просить оказать къ нему милость я не отважился, а предаль то въ руки Божіи, въ коихъ содержится, по слову Давидову, и сердце царевъ, — которыхъ словъ и симъ случаемъ оказана истина: ибо ея величество и безъ моего прошенія его въ маіоры пожаловать изволила, и онъ возвра-

тился ко мнѣ въ 1756 году въ августѣ.

Въ 1757 году пожалованъ сынъ мой старшинству въ подполковники, а во съ самага времени бунта умножились лѣзненные припадки, такъ что принуж былъ въ томъ же году отправить моего на въ Петербургъ съ прошеніемъ объ уненіи меня изъ Оренбурга и отъ в дѣлъ по той губерніи, на что я въ году и получилъ повелѣніе быть въ тербургъ, а на мое мѣсто пожалованъ бернаторомъ тайный совѣтникъ Давы. И я въ томъ же году прибылъ въ Петербургъ и былъ празденъ до 1760 года, коемъ пожалованъ я сенаторомъ и кренцъ-министромъ.

Того жъ года въ началѣ, то-есть, генваря 28-го дня, сынъ мой женился на дочери Александра Львовича Нарышкина, Еленѣ, и въ 1761 году родилась имъ дочь Елена, а потомъ Федосья и Александръ, кои всѣ въ младенцахъ скончались; а сынъ же ихъ, Дмитрій, родившійся въ

году 16-го декабря, остался только одинъ залогомъ ихъ брака.

Въ 1762 году купленный мною и пристроенный немалымъ капиталомъ домъ близъ церкви Спаса на Сѣнной бывшимъ великимъ въ томъ году пожаромъ обращенъ въ пепелъ; я же возымѣлъ случай купить въ Милліонной улицѣ домъ и дачу близъ пороговъ на Невѣ у княгини Долгоруковой, а по сему недвижимому имѣнію послѣдній въ родѣ по отцѣ Склаевой, просилъ ея величество на то дозволенія, что имянымъ указомъ, не въ образецъ другимъ, покупать у послѣднихъ въ родѣ и дозволено.

По причинѣ бытности моей въ сенатѣ, былъ я почасту увѣдомляемъ о желаніяхъ великаго князя Петра Ѳедоровича, а какъ всѣ тѣ начало свое брали отъ людей, жаждущихъ только своей корысти, съ поврежденіемъ общей пользы и учрежденнаго закономъ порядка, то я тѣмъ, присылаемымъ отъ него, многократно давалъ по совѣсти отвѣты, съ желаніемъ несогласные, и черезъ сына моего, къ коему онъ являлся

милостивъ, по часту представлялъ, по чему то исполнить вредно; и хотя на то время сносилось сіе мое усердное представленіе терпѣливо, но въ 762 году, по восшествіи его на престолъ, генераль-прокуроръ князь Яковъ Петровичъ отставленъ, а и со мною являемый поступокъ не лучше подавалъ мнѣ надежду; сынъ же мой, послѣ всѣхъ отъ него прежнихъ обѣщаній, остался не токмо безъ награжденія, но и въ презрѣніи, почему я и разсудилъ чрезъ канцлера просить объ отставкѣ, но и въ томъ отказано было; внукъ же мой Иванъ опредѣленъ въ сіе время въ конной полкъ гвардіи капраломъ, чрезъ нѣсколько дней принцемъ Жоржіемъ пожалованъ въ каптенармусы по просьбѣ тетки его двоюродной Анны Никитишны Нарышкиной. Въ отставкѣ моей получилъ я отказъ и находился въ невѣдѣніи и мученіи, чѣмъ опредѣлится жребій мой и сына моего кончится; бывалъ я ежедневно у моего должнства, но нѣмымъ, ибо никто уже и мнѣнія моего не требовалъ.

Въ семъ-то мучительномъ состояніи пребывалъ я до самаго того дня и часа, какъ Всевышнему благоугодно оказалось утѣшить опечаленную Россію восшествіемъ на престолъ императрицы Екатерины Алексѣевны, что исполнилось 28-го іюня. При отшествіи ея величества въ Петергофъ съ частію гвардіи полковъ и артиллеріи, врученъ мнѣ былъ въ сохраненіе дражайшій залогъ отечества нашего, его высочество государь цесаревичъ Павелъ Петровичъ и столичный городъ Петербургъ, со всѣми во ономъ находящимися воинскими командами, сынъ же мой взятъ при ея велиествѣ слѣдовать. По благополучномъ ея величества изъ Петергофа возвращеніи, употреблялся я, по милостивой высочайшей довѣренности, во всѣ дѣла; внукъ мой Иванъ пожалованъ княземъ Михайлою Никитичемъ Волконскимъ вахмистромъ; а когда, по принятому намѣренію, ея величество изволила для коронованія и мвропомазанія на императорскій престолъ отъѣзжать въ Москву, то благоволила по-

мазанница Божія меня въ Петербургѣ оставить, поручивъ мнѣ въ главную команду какъ сію столицу, такъ и всѣ оставшіяся воинскія команды, и въ конторѣ сенатской повелѣно мнѣ быть первымъ присутствующимъ, а на столъ пожаловано мнѣ въ мѣсяцъ по 500 рублей, награда меня при самомъ отъѣздѣ въ Селѣ Сарскомъ орденъ святаго Андрея. Въ сіе отсутствіе былъ я счастливъ получать собственноручныя ея величества повелѣнія, кои всѣ и отданы отъ меня для сохраненія сей монаршей щедроты въ родъ моему сыну; онъ же, сынъ мой, посланъ былъ отъ меня въ Москву, какъ для познанія его жребія, а болѣе для дѣлъ по данной мнѣ довѣренности.

1763 году апрѣля 11-го числа, по высочайшей милости, пожалованъ сынъ мой вице-президентомъ въ камеръ-коллегію и того жъ года по исходѣ сюда прибылъ, а въ томъ же годѣ и всемилостивѣйшая наша мать и государыня благополучнымъ возвращеніемъ въ Петербургъ всѣхъ обрадо-

вала, и я ежедневные имѣлъ знаки ея величества ко мнѣ благоволенія и исправлялъ по всей возможности смысла моего всѣ до-вѣряемыя мнѣ комисіи, о которыхъ подробно описывать не настоитъ моего намѣренія, ибо я только веду исторію о всемъ томъ, что ко мнѣ единственно принадлежить.

Въ 1764 году, іюня 20-го числа, ея величеству угодно было отъѣхать въ Остзейскія провинціи, а мнѣ паки поручить въ главную команду Петербургъ и всѣ команды, а его высочество, подъ смотрѣніемъ графа Никиты Ивановича Панина, остался въ Селѣ Сарскомъ, и я, по прежнему, перѣѣхалъ жить во дворецъ. По причинѣ бывшей сыну моему лихорадки, разсуждаемо было медиками сдѣлать ему движеніе; почему онъ, будучи на 29 дней уволенъ, поѣхалъ въ новгородскія деревни, — я же, въ теченіе ея величества отсутствія, награждаемъ былъ по часту наполненными милосердія указами и пребывалъ въ желаемомъ спокойствіи и благополучіи.

20-го числа іюля мѣсяца, а въ онѣ полуночи въ 2-мъ часу, былъ я разбу по случаю присланнаго ко мнѣ изъ сскаго Села отъ Никиты Ивановича І на бригадира Савина, черезъ котораго на словахъ приказалъ мнѣ слѣдующее нѣкто изъ малороссіянъ, именемъ І вичъ, дослужившись до офицерства и въ Слюссельбургской крѣпости на кар предпріялъ злодѣйскій умыселъ сд возмущеніе, при коемъ несчастно ро ный принцъ Іоаннъ лишился жизни, онъ, Мировичъ, и его сообщники в реловлены и содѣржаты подѣ карау но потребно взять и въ столицѣ п случаю должную предосторожность объявя, онъ, Савинъ, отъ меня обра Сарское Село поѣхалъ, а я того жѣ м послалъ къ себѣ позвать правящаг раль - прокурорскую должность геі маіора князя Александра Алексѣви земскаго, и пока онъ ко мнѣ не прѣ отправилъ нарочнаго на почтѣ чере городъ къ моему сыну, чтобъ онъ,

лученіи моего письма, тотъ бы часъ и не для чего не отлагая, всевозможно поспѣшилъ скорѣе ко мнѣ возвратиться. По приѣздѣ онаго князя сдѣлали мы совѣтъ, что публиковать о семъ происхожденіи не было нужды, а за нужное признали увѣдомить всѣхъ командъ командировъ; а о томъ, что тотъ несчастно рожденный принцъ былъ въ Слюссельбургѣ, мы прежде и не вѣдали, почему и послалъ я къ себѣ звать князя Александра Михайловича Голицына, Федора Ивановича Ушакова, Федора Ивановича Вадковскаго, Семена Ивановича Мордвинова и Николая Ивановича Чичерина и о семъ имъ сообща рекомендовалъ, чтобъ каждый въ своей командѣ дѣлалъ примѣчанія о порядкѣ и о спокойствіи имѣлъ бы попеченіе.

Съ самой той минуты, какъ я Савинымъ разбуженъ былъ, находился я въ превеликомъ безпокойствіи, ибо самъ Богъ—сердца моего зритель, что я здравіе и благополучіе всемилостивѣйшей государыни моей въ тысячу кратъ дороже считалъ моею

жизни, а о происхожденіи и намѣреніи сего злодѣянина я болѣе, какъ выше сказалъ, ничего не вѣдалъ; а происходило о томъ слѣдствіе отъ Никиты Ивановича чрезъ посланнаго отъ него въ Слюссельбургъ генераль-поручика Веймарна. Отъ сего времени почувствовалъ я вдругъ ослабленіе глазъ, такъ что и я въ очкахъ уже худо сталъ видѣть и чрезъ короткое потомъ время лишился совершенно зрѣнія, о чемъ ниже будетъ писано. Сынъ мой возвратился изъ деревни, коего я ожидалъ съ великимъ нетерпѣніемъ.

Богу сохраняющую къ благополучію Россіи обладательницу нашу, соизволила ея величество возвратиться благополучно въ Санктпетербургъ іюля мѣсяца 25-го числа, а я переѣхалъ паки въ мой домъ и, исполняя по званію моему должность, наслаждался монаршею щедротою; а какъ зрѣніе мое и вовсе меня оставить приближилось, посему противъ желанія моего (ибо намѣреніе мое было служить до конца жизни) принужденнымъ нашелся просить

о увольненіи меня отъ всѣхъ дѣлъ ¹⁾). Милосердая мать отечества, снишедъ на мою просьбу, наградила меня 20,000 рублей и деревнями въ Малой Россіи, засвидѣтельствуя о службѣ моей милосердыми указами слѣдующаго содержанія:

Указъ нашему сенату.

Тайный дѣйствительный совѣтникъ и сенаторъ Неплюевъ, по долговременной предкамъ, намъ и отечеству службѣ, пришедъ въ глубокую старость, всеподданнѣйше просилъ, по слабости своего здоровья, увольненія отъ всѣхъ военныхъ и гражданскихъ дѣлъ, такъ какъ и свободы

¹⁾ Въ Запискахъ Порошина подъ 22-мъ ноября 1764 г. находится слѣдующее, относящееся къ этому времени, извѣстіе о Неплюевѣ: «Никита Ивановичъ (Панинъ) изволилъ сказывать о Иванѣ Ивановичѣ Неплюевѣ, что онъ въ глубокой своей старости положеніе нынѣ сдѣлалъ, чтобъ ѣхать самому на Украину, развести тамъ конскій заводъ и, побывъ тамъ года три, приведя все въ порядокъ, приѣхать сюда и, здѣсь живучи, плодами отъ сего заведенія пользоваться».

окончать остатки жизни своея спокойно, гдѣ онъ пожелаетъ. Мы, не токмо совершенно вѣдая все прошедшее время похвальной его службы, но и сами довольные, имѣя опыты отличной его вѣрности и усердія къ намъ и отечеству, всемилостивѣйше снисходя на его прошеніе, дозволяемъ ему, сенатору Неплюеву, по смерти его жить ему свободно отъ всѣхъ военныхъ и гражданскихъ дѣлъ тамъ, гдѣ онъ пожелаетъ, и, сверхъ того, жалуемъ ему на оплату долговъ двадцать тысячъ рублей.

Указъ нашему сенату.

Всемилоствѣйше пожаловали мы нашему тайному дѣйствительному совѣтнику сенатору и кавалеру Ивану Ивановичу Неплюеву за долговременную службу, а особливо за учиненное имъ, въ бытности его въ Оренбургѣ, знатное приращеніе государственныхъ доходовъ, малороссійскія волости, Чеховскую и Ямпольскую, со всѣми принадлежащими къ нимъ хуторами, деревнями, селами и мѣстечками и принад-

лежностями, въ вѣчное и потомственное владѣніе. Ноября дня 1764 года.

На подлинномъ подписано высочайшею ея императорскаго величества рукою тако:

ЕКАТЕРИНА.

По отданіи моего за ту высочайшую милость ея величеству рабскаго благодаренія, вознамѣрился я, въ надеждѣ воспользоваться теплѣйшимъ климатомъ, отъѣхать въ Малую Россію, въ новопожалованныя мнѣ деревни, а прежде побывать на моей родинѣ, то-есть, въ новгородскихъ деревняхъ, поклониться гробамъ моихъ родителей, до коихъ проводить меня испросилъ я быть отпущену моему сыну.

Въ новгородскихъ деревняхъ былъ я 11 дней и поѣхалъ чрезъ Москву въ Украину. Въ Ямполь прибылъ я февраля 6-го дня 1765 году. О сихъ малороссійскихъ деревняхъ описывать не буду; къ счастію жъ моему пребывалъ въ то время въ Глуховѣ командиръ всея Украины графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ и съ графинею Катериною Михайловною, кото-

рые обращались со мною съ таковою сходительностію и ласкою, каковая и отъ родныхъ оказуема бываетъ; но въ разсужденіи ихъ свойствъ и не вительно, ибо онъ, будучи человѣкомъ мѣннаго разума, а она—житія добродѣтельнаго, воздавали мнѣ тѣмъ усердіемъ, и вымъ я всегда къ дому ихъ былъ наполе

Того жъ 1765 года въ исходѣ іюля сѣла сдѣлался мнѣ столь тяжкій обморочный припадокъ, что я съ великою ждою и едва могъ начальныя литеры и фамиліи моей написать къ моему (а уже и не надѣялся, хотя только желалъ на свѣтѣ, чтобъ его увидѣть) нимъ проститься; и то письмо, по дѣянію графа Петра Александровича нарочною штафетою въ Петербургъ влено, а я съ сего времени лишился совершенно зрѣнія, такъ что уже солнечнаго сіянія нимало видѣть не могъ.

23-го іюля прибылъ въ Ямполь мой и нашелъ меня при послѣднемъ издыханіи, потому что съ самаго

сея болѣзни я былъ въ непрерывномъ жару. Голось его и чрезвычайная моя радость, его осязая, какъ отъ сна меня возбудили, и сими-то двумя движеніями отворились геморoidalныя крови, и хотя отъ многаго теченія тѣхъ ослабъ, но жаръ весьма уна-лился, и чрезъ недѣлю я уже въ состо-яніи былъ вставать съ постели. По внуше-нію сыну моему всѣхъ потребныхъ свѣдѣ-ній о Ямполѣ, и какъ сіи деревни совсѣмъ разоренныя, то чѣмъ ихъ хотя нѣсколько поправить, совѣтовалъ я сыну моему ѣхать посмотрѣть и другія пожалованныя деревни, въ Переяславскомъ полку лежащія, а онъ при томъ возжелалъ отдать долгъ на гробъ своея матери въ Кіевѣ; поѣхалъ отъ меня въ началѣ сентября мѣсяца.

Въ исходѣ сего мѣсяца паки тѣмъ же припадкомъ я страдать началъ и дошелъ чрезъ двой сутки въ такое жъ состояніе, въ какомъ напелъ меня прежде сынъ мой, почему я и принужденъ былъ его звать къ себѣ, а между тѣмъ графъ Петръ Але-ксандровичъ и графиня прислали ко мнѣ

доктора и о моемъ покоѣ и поправленіи здоровья столько старались, какъ бы были сомною единоутробные. Возвратный приѣздъ моего сына вновь оживилъ меня, а какъ я пришелъ въ желаемое состояніе, то убѣждаемъ я былъ отъ него просьбою и слезами, чтобъ жить съ нимъ вмѣстѣ въ Петербургѣ, на что я и согласился, но, однако жъ, съ тѣмъ, чтобъ жить не въ городѣ, а на дачѣ; вслѣдствіе чего я съ нимъ генваря 8-го числа 1766 году въ Петербургъ и приѣхалъ и, пробывъ у него въ домѣ нѣсколько дней, переѣхалъ на дачу, гдѣ я и жилъ по сентябрь мѣсяцъ; а того 20-го числа поѣхалъ я въ новгородскія мои деревни, въ село Поддубье, куда и прибылъ благополучно.

Въ исходѣ декабря мѣсяца приѣхалъ ко мнѣ сынъ мой для свиданія со мною на три недѣли, и съ нимъ господинъ ассесоръ Баролевской. Тутъ мы положили намѣреніе отправить внука моего Ивана для обученія въ чужія государства, почему онъ, по волѣ графа Никиты Ивановича, и по

*

сланъ въ Швецію, гдѣ и былъ слишкомъ 2 года. Утѣшивъ онъ меня въ старости, отъѣхалъ я 20-го числа генваря 1767 году, назнача прежде мѣста къ начатю каменной церкви во имя святаго пророка Предтечи Іоанна.

О всѣхъ мнѣ припадкахъ и домашнихъ мелкостяхъ описывать не разсуждаю, ибо всѣ деревни и всѣ имѣнія во употребленіи его, моего сына, мнѣ жъ потребныхъ какъ деньги, такъ и прочая провізія отъ него присылаются. Упражненіе жъ мое было привести сію новгородскую деревню въ такое состояніе хлѣбопашества, чтобъ она довольствоваться могла домъ петербургскій Николая Ивановича и дачу всякимъ хлѣбомъ. Сосѣди, каковы есть, всѣ ко мнѣ ласковы и ежедневно у меня изъ нихъ по нѣскольку бываетъ. Оставшееся затѣмъ время провождаю я въ слушаніи книгъ, для чего и два чтеца при мнѣ содержатся, а ни о какихъ новостяхъ, ниже о газетахъ, я уже не желаю слышать, потому что считаю себя уже отшедшаго отъ міра.

Въ 1768 году, въ началѣ декабря мѣсяца, заѣхала ко мнѣ невѣстка моя и со внукомъ Дмитріемъ и, пробывъ у меня 10 дней, отправилась для богомолія въ Нилуу пустыню. Я уже лишень былъ того удовольствія увидѣть черты лица моего внука, но и тѣмъ былъ несказанно обрадованъ, что могъ его осязать.

1769 году возвратился изъ Швеціи въ Петербургъ внукъ мой Иванъ, а я просилъ чрезъ письмо ея императорское величество о пожалованіи его въ гвардію офицеромъ и увольненіи его вояжировать въ чужія государства.

Того жъ года въ октябрѣ мѣсяцѣ выпущенъ онъ по именному указу въ армейскіе капитаны, съ дозволеніемъ ему вояжировать.

Въ исходѣ ноября мѣсяца прибылъ ко мнѣ внукъ мой Иванъ, и съ нимъ маіоръ Рейценштейнъ, съ которымъ, по условію моему съ сыномъ, имѣлъ онъ вояжировать.

1770 году, въ генварѣ мѣсяцѣ, отъѣхалъ онъ съ тѣмъ маіоромъ изъ Петербурга, а

чрезъ какія мѣста, гдѣ былъ, какъ принять и что примѣтилъ, о томъ журналъ руки его имѣется.

Въ семь же году посѣтилъ меня и сынъ мой.

Тѣмъ же я обрадованъ отъ него и въ нынѣшнемъ 1771 году.

1772 года, въ мартѣ мѣсяцѣ, возвратился внукъ мой Иванъ изъ чужихъ краевъ и, по совѣту отца своего (на что и я согласенъ), отправленъ въ первую армию и имѣлъ съ собою рекомендательное письмо къ графу Петру Александровичу только отъ одного графа Захара Григорьевича и заѣзжалъ ко мнѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ; я тутъ узналъ, что онъ единственно для моего удовольствія обучился во время путешествія италіянскому языку.

Въ семь же году, іюля 24-го числа, освященъ построенный каменный храмъ Божій, въ который, по желанію сына моего, перенесено тѣло покойной жены его Татьяны Ѳеодоровны, а я и для себя во ономъ приготовилъ мѣсто.

1773 году, въ исходѣ апрѣля мѣсяца, получилъ я съ нарочнымъ отъ сына моего извѣстіе, что ея величество всемило- стивѣйше изволила пожаловать его 21-го того жъ апрѣля въ дѣйствительные стат- скіе совѣтники. Я, какъ ни былъ боленъ, велѣлъ вести себя въ новую церковь, и со всѣми у меня случившимися гостями и домашними моими съ колѣнопреклоненіемъ отправляли благодарное молебствіе и за здравіе нашей милосердой матери и госу- дарыни.

Въ половинѣ іюля мѣсяца обрадовался вновь полученіемъ вѣдомости, что внукъ мой Иванъ пожалованъ въ секундъ-маіоры, за чтò и будетъ хвала всѣхъ подаю- щему Богу, и сіе тѣмъ наипаче, что по- лучаемыя мною отъ него, внука моего, изъ арміи о военныхъ его подвигахъ (извѣстія) утверждали надежду мою, кою я всегда пола- галъ на него, что увижу въ немъ усерднаго слугу отечества, жертвующаго ему жизнію.

Октября 4-го дня получилъ я отъ сына моего обрадовавшее меня даже до слезъ

письмо, коимъ онъ меня извѣстилъ, что ея величество, пекущаяся неуспынно о устроении непоколебимаго благополучія отечества, сочетала брачнымъ союзомъ любезнѣйшаго своего сына, его императорское высочество, надежду россійскую, съ ея императорскимъ высочествомъ великою княгинею Наталіею Алексѣвною, и что онъ, сынъ мой, всемилостивѣйше пожалованъ въ правительствующій сенатъ въ оберъ-прокуроры. Сколь я ни слабъ былъ, однако ту жь самую минуту велѣлъ себя вести въ домовую церковь, и собравъ всѣхъ моихъ служителей, принесли благодарное наше съ колѣнопреклоненіемъ молебное моленіе Господу Богу о здравіи всемилостивѣйшей нашей государыни и о ниспосланіи Его святаго благословенія на сочетавшихся ихъ высочествъ: да утвердитъ, милуя Россію, Богъ корень ихъ во вѣкъ вѣковъ. Сколь ни усилились мои болѣзненные припадки и сколь я уже былъ ни безнадеженъ о моей жизни, однако таковыя извѣстія наполняли меня радостію, что судилъ мнѣ

Господь Богъ дождать сего въ ста^и моей.

Съ сего времени началъ я покойно уготовлять себя къ смерти; остав^{илъ} только мнѣ въ такомъ моемъ сост^{оян}и желать обнять въ послѣднее сына м^{ое} на его рукахъ испустить духъ мой, по я и писалъ къ нему письмо слѣдую^{ща}го содержанія:

«Мой любезный сынъ Николай И^{вановичъ}! Святость пророческихъ словъ: лѣтъ нашихъ яко семьдесятъ, аще я силахъ—осемьдесятъ лѣтъ, какъ я и себя чувствую, исполняется надо мно уже приближается вѣкъ мой и къ по^{сл}ему назначенному времени жизни че^{лов}ческой, а умножающаяся не токмо ден^ица, но и часъ отъ часа слабость не тѣла моего, но и памяти, предвѣщаетъ рушеніе храмины, въ чемъ я и пре^дсудбамъ Всевышняго; ожидаю смер^{ти} должнымъ повиновеніемъ и, по ко^{му} человѣку возможно, спокойнымъ ду^{хомъ} но Онъ зрѣтъ сердце мое и знаетъ,

еще въ жизни моей желаю, а именно только того, чтобъ мнѣ еще прежде кончины обнять тебя въ послѣднее и на твоихъ рукахъ предать духъ мой, и чтобъ твои руки закрыли глаза мои; я знаю твою ко мнѣ горячность, увѣренъ о твоёмъ всегдашнемъ послушаніи, а сіе уже будетъ и въ послѣднее: утѣшь меня, буде возможно. Командиръ твой и особенный благодѣтель князь Александръ Алексѣевичъ ¹⁾ въ томъ тебѣ помочь можетъ; буде же ты разсудишь, что по новости опредѣленія твоего къ мѣсту или за чѣмъ другимъ того сдѣлать несходно, то и я предварительно въ томъ съ тобою и соглашаюсь, да и по настоящей совершенной распутицѣ какъ тебѣ ѣхать! И такъ да будетъ милость Божія надъ тобою! Октября 17-го числа 1773 году».

Сіе письмо послано съ Лаврентіемъ Бархатовымъ; по возвращеніи того посланнаго и по полученіи съ нимъ отъ сына моего письма узналъ я о совершенной непрѣзди-

¹⁾ Вяземскій, генераль-прокуроръ.

мости пути и о томъ по его основательнымъ причинамъ, что сыну моему ко мнѣ проситься было не сходно, почему, лишась я сей надежды, остаюсь во ожиданіи смерти. Но признаться должно, что малѣйшее движеніе въ моемъ покоѣ предвѣщаетъ мнѣ входъ Николая Ивановича; съ нимъ однимъ отдѣляюсь я отъ должнаго въ моемъ состояніи богомыслія, а прежде, нежели потеряю совершенную память, то желаю отписать къ нему еще и начинаю:

«Напрасно, мой любезный сынъ, надеждою себя ласкаешь увидѣть меня живаго; чувствую, что уже смерть моя приближается, къ чему не столько болѣзненные припадки, какъ и лѣта меня опредѣляютъ,—въ разсужденіи чего и печаль твоя должна быть умѣренна, въ чемъ я на твое благоразуміе и надѣюсь; да инако и волѣ Господней противно. Прежде, нежели душа моя отъ тѣла разлучится, въ должности нахожусь сказать тебѣ, Николай Ивановичъ, въ послѣднее: Сохраняй святую вѣру, вразум-

*

ляй о той дѣтей своихъ; исполняй же по возможности заповѣди Господни. Онъ Всевышній есть источникъ всѣхъ благъ небесныхъ и земныхъ, и вѣруй въ Него никогда не постыдится. Сохраняй въ совершенствѣ вѣрность твою къ ея величеству и къ учреждаемымъ отъ нея и чрезъ нея наслѣдникомъ; наблюдай правду во всѣхъ твоихъ дѣлахъ и поступкахъ, хотя бы иногда и непріятное, что тебѣ за то понестъ случилось; вѣдай, что Богъ и ея величество правды твоея будутъ покровители: если не въ это время, то послѣ чрезъ нихъ тебѣ откроется. Люби свое отечество, отъ коего весь родъ твой облагодѣтельствованъ былъ и потомки будутъ, и въ защищеніи того пользы не щади не токмо благосостоянія, но и жизни. Я по всей возможности симъ шелъ путемъ, мой любезный сынъ, и ты всѣхъ лучше знаешь бывшія иногда мнѣ огорченія, сколь я ихъ сносилъ терпѣливо, и наконецъ, Богъ, владѣтельствуя всѣми, возвалъ меня въ такое состояніе, каковаго только человѣку при моихъ

свойствахъ ожидать было возможно ¹⁾).
 конецъ скажу: умѣряй свою вспыльчивость
 она не токмо здоровью твоему вредна,
 и познанію каждаго дѣла въ точномъ
 видѣ препятствуетъ; я знаю твое до
 сердце, знаю твои свойства, знаю же
 расположеніе души твоея и потому
 койнѣ умираю и скажу тебѣ еще въ
 слѣднее: прости, Николай Ивановичъ!

«Прошу тебя по смерти моей исполн
 все по моему завѣщанію. Вамъ, Аграфъ
 Александровна, искренне всѣхъ благъ
 лаю. Скажи пожалуй, Николай Иванови
 при случаѣ извѣстному господину, чт
 предъ нимъ никогда виноватъ не былъ
 чемъ и умираю и клянуся; буде же
 меня почитаетъ виноватымъ, то прошу
 Бога ради простить меня, а я ему

¹⁾ У Голикова добавлено: «Подчиненнымъ т
 и паче крестьянамъ будь больше отецъ, в
 господинъ, имѣя присно въ памяти слово
 «милости хочу, а не жертвы», и что они
 же люди, какъ и ты, кромѣ чиновъ и власт
 ной тебѣ гражданскими законами».

прежде, такъ и нынѣ всѣхъ благъ истинно желаю. Дочери моей Аннѣ Ивановнѣ и дѣтямъ ея и дѣтямъ дочери моей Марьи Ивановны оставляю Божіе и мое благословеніе, а Михаилѣ Купріяновичу ¹⁾ искренне всѣхъ благъ желаю. Заклучая жъ сіе, всѣмъ вамъ совокупно и дѣткамъ твоимъ, Ванюшкѣ и Митѣ, преподаю отеческое благословеніе, а къ Тебѣ, Отецъ щедротъ и милосердія, обращаю мою молитву: сохрани ихъ совершить теченіе сея жизни Тебѣ угодное въ вѣрности къ нашей государынѣ и въ пользу отечества. Еще прости, мой любезный сынъ Николай Ивановичъ; мысленно тебя обнимаю, цѣлую; да будетъ благодать Господня надъ тобою; когда любишь дѣгей своихъ такъ, какъ я тебя, представляя мое теперешнее состояніе, можешь себѣ и то представить, сколь горестна моя съ тобою разлука, Творцемъ вѣлѣнная и Его милосердіемъ; и какъ мнѣ на судъ явиться должно, я наполнилъ свои мысли,

¹⁾ Лунину.

но признаюсь и каюсь въ томъ, что ты меня столько же занимаешь; представленіе тебя предстоить неотлучно предо мною, а молитва моя о себѣ препровождается купно и о тебѣ; не могу больше писать. Боже всякаго милосердія, сохрани его такъ, какъ я желаю».

Сіе письмо какъ князь Андрей Ивановичъ Мышпечкой и Василій Васильевичъ Татищевъ писали, диктовалъ его высокопревосходительство почти трои сутки, какъ по великой его слабости, такъ и потому, что онъ, сказывая оное, многократно плакалъ и уже инако двухъ литеръ имени своего и фамиліи приложить къ оному не могъ, какъ рукою его водилъ князь Андрей Ивановичъ.

Сіе письмо отправлено съ нарочнымъ 29-го октября, а въ ту же ночь жаръ усилился, такъ что не надѣялись, чтобъ могъ до свѣту продолжиться; но къ утру полчасъ заснулъ и пробудившись спросилъ: «Поѣхалъ ли посланный въ Петербургъ?»

3-го ноября сдѣлался жаръ поменьше, и притомъ между прочимъ были его такія слова: «Кто стучить тамъ? Не пріѣхалъ ли Николай Ивановичъ? Но зачѣмъ ему ко мнѣ и ѣхать! Я съ нимъ уже простился, и все, что имѣлъ, сказалъ, и что бы теперь сказать ему могъ? Уже ничего не осталось!» И вздохнувши, помолчавъ, началъ еще говорить: «Если бы онъ и пріѣхалъ, то кромѣ огорченія себѣ ничего не найдетъ; я знаю его нѣжное чувство; онъ, увидя меня въ такой уже слабости, поврежденіе своему здоровью сдѣлать можетъ, а меня присутствіеъ своимъ и болѣе отвлечь отъ моего долга».

При сказываніи сихъ словъ текли изобильныя слезы, и сквозь оныя весьма томнымъ голосомъ сказалъ: «Ты, Боже, ниспосли ему Свою милость!» Потомъ приказалъ готовиться къ литургіи и исповѣдавшись пріобщился святыхъ таинъ, но при томъ головы, сколько ни старался, нисколько приподнять не могъ, и затѣмъ продолжался до 11-го числа ноября мѣсяца,

котораго въ 6 часовъ по полуночи и за полчаса еще спросилъ: «Будеть ли сегодня обѣдня?» А на отвѣтъ, что будетъ, послѣднее его было слово: «Помолитесь о мнѣ грѣшномъ!» Отъ сея временныя жизни переселился въ вѣчную.

20-го числа того жъ мѣсяца погребено тѣло его въ назначенномъ отъ него самого мѣстѣ, и на доскѣ по собственному жъ его повелѣнію, прежде имъ къ Николаю Ивановичу посланному, сдѣлана слѣдующая надпись:

«Здѣсь лежитъ тѣло дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора и обоихъ Россійскихъ орденовъ кавалера Ивана Неплюева. Зрите! Вся та тщетная слава, могущество и богатство исчезаютъ, и все то покрываетъ камень, тѣло жъ истлѣваетъ и въ прахъ обращается. Умеръ въ селѣ Поддубьѣ, 80-ти лѣтъ и 6 дней, ноября 11-го дня 1773 году».

ПРИЛОЖЕНИЕ.

**Воспоминаніе И. И. Голикова объ
И. И. Неплюевѣ.**

Остатки достохвальной жизни своей сей питомецъ Петра Великаго препровелъ въ деревняхъ своихъ, въ богомыслии, въ приведеніи хлѣбопашества въ лучшее состояніе, въ устроеніи блага крестьянъ своихъ и въ наставленіяхъ сыну и внукамъ своимъ. Все окружавшее жилище его дворянство находило удовольствіе ежедневно наслаждаться его же наставленіями и разсужденіями за столомъ его.

Сей достопочтеннѣйшій мужъ имѣлъ разумъ твердый и тонкій, дѣятельность неусыпную, рѣшимость въ дѣлахъ скорую и основательную, правосудіе строгое и никакими пристрастіями и интересами непоколебимое. Сіе между прочимъ и то одно доказать можетъ, что онъ никогда ни отъ кого, ни за какое дѣло, ничего не взялъ, и никто не смѣлъ къ нему показаться ни съ какими подарками; засвидѣтельствуютъ сіе

всѣ бывшіе подъ его начальствованіемъ. Доступъ до него былъ всякому невозбран- ный; выслушивалъ онъ каждого съ внима- тельнымъ терпѣніемъ; интересы отечества предпочиталъ онъ самой жизни и благосо- стоянію своему, и правило его было слу- жить оному до послѣдняго изнеможенія силъ; а потому и несносны были ему всѣ, а паче въ молодыхъ лѣтахъ оставляющіе службу и выходящіе въ отставку; защи- цалъ всегда ревностно самодержавное, какъ наилучшее изъ всѣхъ другихъ, правленіе и исполнялъ съ благоговѣніемъ волю вер- ховой власти; къ памяти Петра Великаго имѣлъ безпредѣльное почитаніе и имя его не иначе произносилъ, какъ священное, и почти всегда со слезами; вѣру и благоче- стіе соблюлъ до конца ненарушимо и не выѣзжалъ никогда со двора, не отслу- шавъ святыя литургіи, которая въ домо- вой церкви его ежедневно отправлялась; былъ врагъ вольнодумства, суевѣрія, лас- кательства и потаковщиковъ; всякія не- счастія и прискорбности сносилъ съ благо-

дареніемъ Богу, вѣруя несумнѣнно провидѣнію Его, управляющему жребіемъ смертныхъ; искренность сердца его изливалась и на языкъ его въ дѣлахъ, тайности не подлежащихъ; сему послѣднему послужить доказательствомъ и одно слѣдующее. Когда лишился онъ зрѣнія и силы его тѣлесныя ослабѣли, и слѣдовательно, продолжать служенія болѣе не могъ, то написавъ просительное къ императрицѣ письмо о увольненіи своемъ отъ службы, поѣхалъ съ онимъ въ день воскресный на куртагъ во дворецъ; его подвели къ ея величеству; великая сія монархиня, почитавшая его добродѣтели, посадила его подлѣ себя, и старецъ заговорилъ, что онъ ослѣпъ и не можетъ исправлять должности службы. «Я разумѣю тебя», сказала на сіе великая Екатерина, — «я разумѣю тебя, Иванъ Ивановичъ; ты, конечно, хочешь проситься въ отставку; но воля твоя, я прежде не отставляю тебя, пока не отрекомендуешь мнѣ на свое мѣсто челоуѣка съ таковыми же достоинствами, съ каковыми и ты». Толь лестная монар-

хини рѣчь тронула его даже до слезъ. Что жъ онѣ отвѣтствовалъ на оную? «Нѣтъ, государыня, мы, Петра Великаго ученики, проведены имѣ сквозъ огонь и воду, инако воспитывались, инако мыслили и вели себя, а нынѣ инако воспитываются, инако ведутъ себя и инако мыслятъ; итакъ, я не могу ни за кого, ниже за сына моего ручаться». Сей добродѣтельный старецъ рассказывалъ самъ сіе мнѣ по пріѣздѣ изъ дворца, прибавя къ тому: «Тутъ всѣ были, но мнѣ что за нужда? Я сказалъ, что чувствовалъ».

Впрочемъ всѣ описанныя мною добродѣтели его извѣстны были мнѣ совершенно, и могу сказать, что всѣ движенія сердца его не могли отъ меня быть сокрытыми; ибо имѣлъ я счастье быть имѣ любимъ, и болѣе двадцати лѣтъ жилъ съ нимъ почти неразлучно, въ теченіе которыхъ почти ежедневно наслаждался утренними его съ собою разговорами и разсужденіями, открывавшими мнѣ всѣ чувствованія души его.

